

Виктор Далекий

Интим обнажения

18+

Виктор Далёкий
Интим обнажения

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Далёкий В.

Интим обнажения / В. Далёкий — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Интим обнажения - это роман о природе чувств, их зарождении, развитии, о сознании пола, познании притяжения полов, поиске единственно любимой, обретение себя через обретение второй половины, о постижении мира ее души, тонкостей во взаимоотношениях, о поэтизации интимных отношений, в которых обретаешь пути к высшему смыслу безграничного счастья, о поворотах судьбы и драматизме в стремлении к гармонии и совершенству в отношениях.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Часть вторая	48
Глава 7	48
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть первая

Прекрасный и мучительный

Глава 1

Рождение чувства

Чувства бывают разные. Они бывают сильные и слабые, тонкие и грубые, явные и тайные. Разные чувства рождают разные мысли, в том числе гадкие и прекрасные. Мысли рождают поступки. Поступки рождают события. Но у всех людей рождаются гадкие и прекрасные мысли. Между гадкими и прекрасными мыслями происходит борьба. Эта борьба идет с переменным успехом. Поэтому вокруг нас столько гадкого и прекрасного одновременно. Одни люди стараются давить в себе гадкие мысли, другие уничтожают в себе прекрасные. И так кому-то приходится жить только с гадким и находить прекрасное в гадком. И только с прекрасным жить не получается ни у кого.

Чувство!.. Тихо-тихо... Очень прошу! Только тихо!..

Стоит закрыть глаза, постараться ничего не делать, не видеть, не говорить, не слышать, не осязать. Постараться отгородиться от всего внешнего, суетного и бесполезного, чтобы понять его важность. Нужно хотя бы на мгновение замереть, прислушаться и устремить все свои мысли внутрь, туда, где оно возникло, робкое, крохотное, смутное, неясное, неотчетливое, только что рожденное, только что замеченное, объявившееся ниоткуда или залетевшее с ветерком материальных невидимых, неосязаемых лептонных частиц извне. И появившийся намек, сознание того, что оно очень важное или маленькая надежда на это заставляет не дать ему исчезнуть, потонуть в рутине, рассеяться, чтобы позже, возможно, ощутить его явственно и насладиться им вполне. Пока оно еще слабое до неузнаваемости, тончайшее до неуловимости, как ускользающая от внимания мысль, как незаметный чистейший родничок, пробившийся из-под земли источником и превратившийся в крохотную лужицу прозрения. Чтобы его сохранить, в эти мгновения нужно отгородиться от сора из пустых слов, желаний, ненужных поступков и пустых жестов. Нужно дать ему простор и время для роста и созревания. Нужно уподобиться садовнику, который пестует растение, ухаживает за ним и окружает вниманием. Тогда через некоторое время можно услышать, как оно растет, увеличивается внутри тебя, как начинает шевелиться в закоулках твоей души нюансами, как оно, преображаясь, движется, становится ясным, отчетливым, зрелым. И постепенно оно, то чувство, которое ты не пропустил, наполняет тебя и заполняет всего. Оно приносит тебе радость и целиком начинает владеть всеми твоими мыслями. И неожиданно ты чувствуешь, что оно выросло уже таким, что начинает тебя изнутри распирает. Потому что оно переросло тебя и тебе приходится расти вместе с ним. И ты чувствуешь себя воздушным шаром, который наполняется теплым и даже горячим воздухом. И от этого тебе кажется, что ты вот-вот можешь взлететь. И, наконец, наступает такой момент, когда в твоей жизни нет ничего главнее этого чувства. И оно дает тебе все, и преображает тебя. Оно заставляет тебя делать совсем неожиданное. Например, прыгать, скакать, петь, смеяться, выделывать коленца и неприличные штуки. Так что, глядя на себя со стороны, можно диву даваться. И справиться с этим трудно, потому что оно выросло до размеров, когда не ты владеешь им, а оно, выросшее и окрепшее, владеет тобой. И тебе приятно, что оно долго росло, созревало и крепло. И тебе приятно сознавать, что оно будет греть тебя долго-долго, может быть, до самой старости.

Но бывает и по-другому, когда ты пытаешься истребить в себе чувство, а оно растет в тебе и созревает вопреки твоему желанию. Бывает и такое, когда чувство похоже на взрыв и

оно быстротечностью застает тебя самого врасплох. И это стихийное бедствие, ураган, потоп, пожар. И с этим ничего нельзя поделать.

Счастье жить с женщиной, которую любишь. И еще большее счастье жить с той, которую очень любишь. Особенно, если ты добивался ее не один год и если она до тех самых пор жила своей жизнью, а ты своей. И вы долгое время, невыносимо долгое время, потому что каждый день казался столетием, жили врозь с мечтой о нереальном, призрачном и безнадежном. И вот, это свершилось. Прежняя жизнь неожиданно и к счастью выскользнула, как чашка из рук, и разбилась вдребезги. Нити, которые связывали нас с прежней жизнью, разорвались. И мы мужчина и женщина, достигшие возраста приятной зрелости и предельной вкусности, перед самым закатом наших жизней, наконец, соединились. Жизнь подарила нам возможность быть счастливыми. И, принимая этот подарок, обычно не осознаешь, сколько отмерено твоему счастью. Закончится ли оно вместе с твоей жизнью или оставит преждевременно. Обычно твердо знаешь только одно, что хотел бы прожить вместе с ним и с той, которая тебе его подарила, очень долго, по крайней мере, до конца своей жизни. Но судьба коварная штука. И если случится так, что мы не сможем по каким-то причинам быть вместе, я все равно не выпущу ее из моего сердца никогда.

За прожитые годы мы так много накопили друг для друга ценного, мы так долго друг друга искали и так долго друг друга ждали, что нам нечего больше бояться и нечего больше ждать. Лучшее в этой жизни каждый из нас получил.

В этом мире я сначала научился чувствовать. И мое отношение к внешнему миру выражалось плачем, смехом и созерцанием. Когда я научился говорить, я выражал свое отношение ко всему внешнему простыми словами, которые определяли вещи и их положение по отношению ко мне. Слова определяли мои желания. Вместе со словами ко мне пришла примитивная форма мышления. С ростом это умение развивалось, становилось изощренным и уже требовалось, чтобы мысль, выражавшая желания и чувства, формулировалась выстроенным набором слов, то есть укладывалась в некую словесную формулу твоего отношения к внешнему миру. Сколько себя помню, ко мне всегда приходили стыдные и гадкие мысли. Даже тогда, когда я не умел еще мыслить, это приходило ко мне желаниями, намеками, недомыслиями. Мне удавалось от них избавиться, когда мне объясняли, что это плохо. Но потом приходили новые, еще более стыдные и гадкие мысли. Потому что, если прежде, я не знал, что они гадкие, то после объяснения, я стал знать это, что мне нисколько не помогло, потому что они ко мне все равно приходили. Нутро человека, его инстинкты и подсознание сильнее сознания. Только с ростом человек способен что-то в себе изменить. Когда он мал, неопытен, беден и глуп, ему трудно всему этому противостоять. Со временем у него появляются такие чувства, мысли и желания, о которых никому не хочется говорить. Хочется их оставить себе, какими бы они прекрасными или отвратительными ни были. И это все оставленное себе, относится к интимной жизни. Это все связано с внутренним миром, который выстраивается постепенно, кропотливо и который никому не доверяют, а если и доверяют, то редким избранным.

В детском саду, когда моя интимная жизнь уже существовала и находилась в зачаточном состоянии, мне запомнилось два происшествия. Одно связано с маленьким круглым зеркальцем в тонкой пластмассовой окантовке, которое лежало около ручкомойника на полочке. Полочка имела много разных ячеек. Каждый мальчик или девочка имел свою ячейку. Обычно в них ничего не лежало. Верхние ячейки никому не принадлежали. Зеркальце лежало в одной из верхних ячеек. Совершенно ничье. И в этом скрывалась какая-то удивительная высшая несправедливость. Когда я взял его в руки, то испытал приятное чувство обретения нового. Стоило мне в него посмотреться, как оно тут же показывало мне мою рожицу, подтверждая некую причастность ко мне. Едва я начинал двигать ушами, морщить нос, как оно делало точно

то же самое. Это выглядело все так увлекательно. Я подержал его в руках и затем с ощущением, что я нашел в нем себя, положил в задний кармашек коротких штанишек. На самом деле оно мне очень понравилось. Мне очень захотелось иметь его при себе, чтобы владеть и хозяйничать. Доставать, когда нужно, из коротких штанишек и потом снова убирать в задний кармашек. Единственное, что меня беспокоило, это то, что оно лишь наполовину убиралось в кармашек и оставшейся частью заметно торчало из него. Я боялся, что могу его потерять. Ни о чем другом я не думал. За обедом молодая губастая и толстая санитарка с недоумением и растерянностью спросила: «Никто не видел моего зеркальца?» Я слышал ее вопрос и не придал ему значение. У меня в кармане лежало свое зеркальце, и в чужом я не нуждался. Велико же было мое удивление, когда она сзади кинулась ко мне, выхватила из моего кармашка зеркальце и принялась яростно стыдить. По дороге домой из садика я тонул в слезах и слушал нравоучения мамы. Она меня спрашивала, зачем я своровал зеркальце, и кто меня этому научил. Хныкая, я ей объяснял, что не воровал, а просто взял с полочки. Я ни за что не хотел признаваться, что своровал, потому что в этом слове скрывалось что-то неведомое и плохое. Я это понимал по интонации, с которой говорила это слово мама. Тогда мама, отчаявшись что-либо выяснить, сказала совсем другим елейным голосом: «Знаешь что, я подумала? Что если нам организовать банду и воровать вместе?» Я перестал ныть и вспомнил то приятное, что испытал, когда взял в руки зеркальце. Привлекательность этого момента меня ободрила, но оставалась горчинка сомнения. Ведь меня только что за это ругали. «Ну что, давай воровать вместе?» – радостно спрашивала мама один раз, второй. И свет, который шел от нее, меня покорила. «Согласен или нет? – допытывалась она. – Начнем воровать и у нас все тогда будет!» – «Ладно, – согласился я, туго представляя, что буду делать, – только я с Сережкой Шукиным поговорю». Был у меня такой дружок в детском саду, готовый со мной на все. Мы вместе шалили, проказничали и баловались. С Сережкой мы могли что-нибудь придумать. «Мама, Сережка и я – получалась неплохая банда», – так, наверное, я думал. Вот тут-то я пожалел, что поддался на уговоры мамы. И получил от нее настоящую трепку с подзатыльниками, встряхиванием за шиворот и пинками под зад. Я ревел от горя и никак не мог понять, как смог поддаться на уговоры матери. Только у дома, когда зажглись уличные фонари, я немного отвлекся. Оказывается, со слезами на глазах свет от фонарей не расходится равномерно в стороны, а лучисто. Стоило мне немного прищурить полные слез глаза, как от фонарей в разные стороны стали расходиться по два или три луча. И, когда я вертел головой в разные стороны, эти лучи тоже интересно поворачивались. Вечер получился испорченным. Дома я получил дополнительные разъяснения с новыми подзатыльниками, после чего меня подвергли остракизму, поставив в угол. Конечно же, тогда я не ведал, что творил. Я не знал, что соблазн всегда рядом с человеком и готов его провести в любую минуту мимо порядочности и добродетели. Мы жили в то время бедно. Гораздо позже я узнал, что половина пороков как раз от бедности и глупости. Тогда как вторая половина, конечно же, от чрезмерного богатства. И человек не должен жить ни в бедности, ни в чрезмерном богатстве. Только достаток делает человека порядочным.

За второе происшествие я долго очень стыдился. Мне кажется, за него я сильнее стыдился, чем за случай с зеркальцем. Не знаю почему, но я страшился, что о нем станет известно другим и, главным образом, родителям. К моему удивлению, если случай с зеркальцем имел огласку, то второй случай при его известности как будто замалчивали. О нем ничего не говорили, как будто его не было. И нам с Ниной Синюковой из взрослых и родителей никто, ничего не говорил и ни о чем не расспрашивал. Девочек пред дневным сном водили в туалет отдельно от нас. К ним иначе относились, и они чем-то неизвестным, необъяснимым отличались от нас. Очевидно, в тот раз нас с Нинкой подвело неосознанное притяжение противоположностей.

Наши кровати стояли рядом, придвинутыми одна к другой. После обеда все дети ложились в кровать на дневной сон. Хитрые воспитательницы, чтобы иметь меньше хлопот, устраи-

ивали негласные соревнования и, подзадоривая нас, приговаривали: «А ну-ка, кто раньше всех поест, быстрее раздеется и ляжет в постель?». Я был самым сильным и ловким мальчиком в группе. Поэтому почти всегда в этом соревновании побеждал. У меня в соперниках ходил маленький и толстый Борька. Я легко его побеждал. Борька наспех давился супом и, понимая, что проигрывает, становился вялым и безразличным, как будто не желал оказаться первым. Когда я не хотел соревноваться с ним или забывал, что мы соревнуемся, Борька ловил момент, за столом изо всех сил торопился, работая ложкой. И если я спохватывался и торопился за ним, то не всегда успевал. Тогда Борька быстро раздевался, забирался на кровать и, торжествуя, с превосходством сверкая глазами, смотрел на меня оттуда победителем. Однажды я заметил, что мне неинтересно соревноваться с Борькой. Хотелось скорее лечь в кровать для другого. Я и Нина раздевались на тихий час как обычно до трусиков и маечек. Если я оказывался в кровати раньше ее, то ждал, когда она ляжет на кровать рядом. Потом мы прятали головы под одеяла и начинали проделывать тайные ходы друг к другу. Как-то я услышал шорох со стороны Нининой кровати. И тоже попытался прорыть ход. Мы встретились пальчиками. Так у нас первый раз появился под одеялами ход. Сначала мы просто просовывали в него пальчики и ладошки. Но хотелось большего. И с каждым днем ход расширялся. Просовывая руки под одеялами, мы старались познать мир во всех его неизвестных частях. Это была наша тайна. Когда мы не находились в кроватях, то вели себя, как все дети. Но стоило нам лечь в кровати, как с нами происходило невероятное. Темнота под одеялом влекла нас, и нам не хватало длины рук. Мы были уверены, что нашу тайну никто, никогда не узнает. Поэтому сильный удар по рукам показался громом среди ясного неба. Когда воспитательница неожиданно больно стукнула нам по рукам и заругалась, мы замерли и шокированные, не двигаясь, уснули. Я ждал, что родители нас будут ругать. Но нас не ругали. Только летом на даче они вдруг над нами стали странно подшучивать и подтрунивать, называя женихом и невестой. Хотя мы с Ниной к тому времени не слишком дружили. Меня больше интересовали бабочки. Я ловил их сачком. Меня так удивительно пленял тонкий запах их пыльцы и прозрачная структура крыльев с ажурными перегородками и тончайшими перепонками, что мне хотелось всем этим поделиться и особенно с мамой. Но она меня почти не слушала и разговаривала с родителями Нины Синюковой. Тогда в отместку на их глупый вопрос, что я делаю с бабочками, я им просто ответил: «Я их ем». И они стали уделять мне внимание, объясняя, что есть бабочек не красиво и не нужно. Я же их просто дразнил, показывая всем видом, что языком слизываю пыльцу с пойманной бабочки. Они при этом плевались, говорили, что это противно. И уже в следующее мгновение продолжали разговаривать между собой. Родители с улыбками попросили нас с Ниной взяться за руки. Сами шли за нами по дороге и я с улыбками на лицах называли нас славной парой. Мне казалось, что они знают о нашей тайне так же, как воспитатели. Потому что вскоре после того случая воспитатели наши кровати с Ниной раздвинули и вскоре переложили ее от меня в другое место. Мы шли, держась за руку, и стыдились того, что сделали прежде. Мы еще не знали, что чувство стыда и тяготение к противоположному полу ведет человека по всей жизни.

Наша детсадовская группа являлась маленькой моделью всего общества. Там в миниатюрном виде оказались собраны все имеющиеся пороки. Я был крепким мальчиком, и брал себе для игры лучшие игрушки. Иногда я их у кого-то отнимал и после слез визави мне приходилось врать и выкручиваться перед воспитателями. Так я и продолжал год за годом делать то, что хочу, обманывать и выкручиваться. А те, кто на меня ябедничали и наушничали, тоже продолжали делать это. Позже мы выросли и поняли, что можно поступать иначе.

Там же в детском саду я первый познал, что такое тщеславие и чего оно может стоить. На одном из занятий нам раздали пластилин для лепки. Он продавался в плоских небольших коробочках в виде продолговатых плиток с узкими бороздками, чередующимися с четкими по всей длине ребрышками. В них скрывалась такая же притягательная сила, как в плитках

шоколада. Мы, дети, понимали, что их есть нельзя, но всегда хотелось не только взять в руки эти приятные и прямоугольные батончики, но и попробовать на вкус. Воспитательница нам все объяснила про пластилин и предложила из розданных плиток пластилина слепить коня. Я во всем старался быть первым и лепил коня старательно, быстро и от души. Кто-то первым слепил коня, кто-то вторым. Я слепил коня третьим. Когда я поднес его воспитательнице, она неожиданно стала меня хвалить. «Какой хороший конь! Какой красивый конь получился! – говорила она и ставила меня в пример другим детям. – Посмотрите, какого коня он слепил!..» Я неожиданно для себя возликовал. Другие мальчики и девочки приносили своих коней. Но у них кони вышли хуже, чем у меня. И я, совсем захваленный, уже смотрел на них снисходительно, готовясь находиться на вершине славы всегда. Потому что все слепили своих коней и показали их воспитательнице, кроме одного мальчика. Высокий тихий, смуглый и медлительный он последним застенчиво подошел к воспитательнице и протянул ей своего белого коня. Все посмотрели на него и замерли. Его белый конь покорила всех присутствующих. И все они стали восхищаться его конем. Про меня сразу забыли. Тогда мне захотелось напомнить о себе, и я сказал, что могу слепить коня еще лучше. Мое заявление вызвало неподдельный интерес. Я безжалостно сломал своего коричневого коня и стал лепить заново. Я уже знал, как его нужно слепить иначе, старался изо всех сил и конь у меня получился лучше прежнего. Счастливый я подбежал к воспитательнице, которая все еще хвалила белого коня. «Вот, – сказал я ей, – я слепил нового коня». Воспитательница взяла моего коня в руки и сказала, что я действительно слепил коня лучше прежнего. Затем она перевела взгляд на коня тихого мальчика и сказала: «Все-таки этот конь лучше! Как вы думаете, дети?» И все ее поддержали. «Нет, этот конь тоже хороший, – сказала она про моего коня, – но белый конь лучше. Немножко лучше», – повторяла воспитательница, переводя взгляд с одного коня на другого. Чтобы снова занять вершину, мне оставалось совсем немножко. Тогда я схватил своего коня и сказал, что я слеплю его еще лучше. Я отошел в сторону и старался, как только мог. И снова прибежал к воспитательнице с заново слепленным конем. И мне снова сказали, что конь тихого мальчика немножко лучше. На четвертый раз мой конь получился хуже двух слепленных мной раньше. Тогда я огорченно сказал: «Вот если бы мне дали белый пластилин, тогда бы я слепил коня лучше, чем у него». Воспитательница посмотрела на меня и сказала, что белого пластилина больше нет. И чтобы я мог слепить своего белого коня, нужно сломать коня, тихого мальчика. Я готов был и к этому. Азарт охватил меня полностью. Но белого коня никому не хотелось ломать. В душе я и сам не хотел его ломать, потому что не знал, смогу ли я слепить лучше. Мне очень хотелось верить в то, что смогу. Я долго страдал, почти до самого вечера, что не смог слепить лучшего коня. Но, кажется, тогда я понял, что первым стать можно, но оставаться им навсегда не получится. Именно тогда я понял, что такое тщеславие, хотя это слово для меня оставалось долго неизвестным. С тех пор я не люблю соревноваться. Я неоднократно испытывал вкус победы и вполне познал горечь поражений. Потому что жизнь, хочешь этого или нет, есть сплошное соревнование, растянутое на всю жизнь. Амбиции, тщеславие преследуют людей. Все хотят быть лучшими так или иначе хоть на короткое время, на мгновение.

Глава 2

Сочувствие

Рано или поздно к человеку приходит желание узнать себя. Он смотрит в зеркало, видит свое отражение и пытается что-то о себе узнать. То же самое происходит когда человек выросшим и сложившимся индивидом раздевается перед зеркалом, рассматривая свое тело, чтобы лучше понять, какой он. Это часть самопознания зримая и понятная, тогда как остается еще незримая часть и непонятная, которая разгадывается постепенно и раскрывается исподволь в мыслях, чувствах, поступках.

В старшей группе детсада я научился строить умопомрачительные рожи. Часто подходил к зеркалу, смотрел на себя и ничего не видел. Видел уши, глаза, нос, рот. Но не видел себя определенным. Мое отражение мне ни о чем не говорило. Оно не говорило мне, какой я. Тогда я начинал строить рожи. Искривлял лицо, двигал бровями, надувал, втягивал щеки, хмурился и улыбался, растягивая чуть ли не до ушей губы. Мое отражение в зеркале все это повторяло и меня происходящее действие увлекало. Летом на даче во время тихого часа ребята, зная о моих способностях, просили меня соорудить им рожи. Я не отказывался и начинал совершать преобразования с лицом. Строил самые разные рожи, показывая многоликость настроений и характерные гримасы – глупость заносчивость, дурашливость. Друзки поднимали головы от подушек, садились, чтобы лучше их рассмотреть и с хохотом падали на кровати. Они гоготали, раскачиваясь на панцирных сетках. И потом снова просили меня соорудить им рожи. Однажды в конце лета перед школой я пошел с мамой в универмаг. Он располагался на Писцовой улице не далеко от нашего дома. Там в центре торгового зала стояли колонны и на них с каждой стороны висели большие зеркала. Пока она стояла в очередях, я остановился перед одной из колон с зеркалом и начал себя рассматривать. Ничего особенно не увидев, я, как всегда, принялся с удовольствием строить рожи. Растягивал лицо и так, и эдак, морщил лоб, надувал щеки, высывал язык, округлял глаза, выставлял подбородок, показывая озорников, дебилов и пройдох. Я занимался этим настолько увлеченно и самозабвенно, что не сразу услышал сзади себя смех. Сначала я подумал, что он не имеет ко мне отношения, и продолжал строить рожи. Меня никто не мог видеть. Я же стоял к посетителям спиной. Но смех все усиливался. И вдруг я увидел в зеркале отражение двух взрослых девушек, которые стояли за моей спиной. Да, сзади стояли продавщицы и смотрели на то, что я вытворяю. Они хохотали так, что их тела сотрясались от смеха, корчась, изгибались из стороны в сторону. В это время к ним подошла третья продавщица. И эти две показывали ей на меня пальчиками. Я обернулся и, утвердившись, что смеются именно надо мной, смущенный убежал прочь.

Однажды за этим занятием меня застала мама. «Прекрати рожи строить, – сказала она мне. – Ты что клоуном хочешь стать?» Я кивнул головой. «Никому не говори это. Вон Сережка Мацков шофером хочет стать. Генка космонавтом... А ты клоуном. Ничего что ли не соображаешь?» Так тихо я стал прощаться с мечтой, которая еще только зарождалась.

Школа это такое место, где дети учатся тому хорошему, чему их учат и тому плохому, чему их не учат. В детском саду учат, что такое хорошо и что такое плохо. Но твердо это усвоить все равно не получается. Потому что, когда тебя спрашивают: «Ты, почему это сделал?» Тебе нечего на это ответить. И приходится молчать. Тогда как молчать все время не получается. Поэтому приходится что-то придумывать в свое оправдание, фантазировать. И не сразу понимаешь, что вранье – это настоящее искусство. Потому что соврать нужно так, чтобы тебя не поймали. Но взрослые умней, задают разные каверзные, хитрые вопросы и ловят тебя. Поэтому, взрослея, приходится совершенствоваться во вранье, приспособливаться, изворачиваться. В детском саду вранье воспринимается не иначе как фантазии несмышленишей. «Да

вы его не слушайте, он еще ничего не понимает», – говорят в оправдание взрослые. В школе запреты сильнее. Там тебя учат и там с тебя спрашивают. Рассказывают, как можно себя вести и как нужно правильно поступать. И одно не понятно, кому все это «нужно», если есть такое вкусное слово, как «хочется». И жизнь тебе кажется такой интересной и неопределенной штукой, что возникает желание до всего доходить своим умом. Или, по крайней мере, все, что вкладывают в слова «нужно», «можно» и «правильно» хочется проверить на соответствие. И поскольку «можно» и «хочется» часто расходятся в разные стороны, то появляется необходимость соединять несоединимое, то есть искать то, что находится между ними и называется компромиссом. Иначе говоря, приходится делать вид, что ты поступаешь, как «правильно и можно», а на самом деле поступать как «хочется». При этом ты заранее думаешь о том, чему могут поверить, а чему не поверят ни за что. Думаешь о том, что у тебя могут спросить родители, и что ты им ответишь. Говорить им неправду надо такую, какую они не смогут проверить. Потому что, если проверят и узнают правду, будет еще хуже. А если они все равно могут проверить и узнать правду, то нужно вовремя сознаться. Иногда лучше сказать неполную правду, полуправду. Это прощается. Получается, что ты сказал правду, но где-то напутал, недоговорил или тебя не так поняли. Так вырабатывается модель поведения. И потом в жизни ты поступаешь, следуя ей. Я в своей жизни встретил только одного человека, который никогда не врал, не приукрашивал, не пропускал невыгодные для себя детали. Он иногда замолкал, стыдясь, не желая против себя свидетельствовать. Но, если говорил, то правду. И этим вызывал у меня восхищение. В основном люди, так или иначе, недосказывают, отмалчиваются, врут. Рассказывая о себе что-то не договаривают, приукрашивают, выбрасывают неприглядные случаи для того, чтобы выглядеть вполне пристойно. И этому учатся еще в детстве. Это приукрашивание себя и есть компромисс между сознанием и подсознанием. Того, что ты хочешь о себе думать и тем, что есть на самом деле. Если же в школе у тебя не все благополучно в учебе, да еще ты сам не в лучшую сторону отличаешься поведением, то врать и выкручиваться приходится постоянно. Тогда ради спокойствия домашних приходится также исправлять оценки в дневнике. И ты этим занимаешься не один, а с друзьями. Потому что кто-то один хорошо расписывается за учителей. Другой двойки классно исправляет на тройки и четверки. Исправить двойку на пятерку казалось слишком наглым. Кто-то научился сводить отметки вареным яйцом. Варили яйцо, очищали и катали им по тому месту в дневнике, которое требовалось исправить. Правда, при этом бывало оценки исчезали вместе с клеточками. Другие более туповатые, не из числа моих друзей, ставили на месте плохой отметки кляксу или выдирали из дневника листы. Мы всегда придумывали что-то поинтереснее, например, заводили второй дневник для двоек. Или, например, когда классная руководительница говорила, что вечером зайдет поговорить с родителями, можно на это время отключить звонок. Просто отсоединить один проводок от электрического звонка. И учительница может сколько угодно долго стоять и пока хватит терпения нажимать кнопку у двери. Или, если учительница по математике говорит, что вечером зайдет к родителям, чтобы с ними поговорить о тебе, лучше постараться родных увести в этот вечер в кино. Зачем? Чтобы оттянуть позор длительных нравоучений и избежать наказания. Потом все может и обойдется. И на вопрос учительницы, почему ты не предупредил родителей о ее приходе, сказать, что у них были билеты в театр. Или бесхитростно ответить, что ты забыл. Тогда она запишет в твоём дневнике, что хочет встретиться с родителями и просит их зайти. И тебе не остается ничего, кроме как спрятать дневник и под разными предлогами, как можно дольше не показывать его. Но рано или поздно все проявляется и тогда неприятности в жизни вырастают, как снежный ком, и долгие нравоучительные разговоры с родителями неизбежны. Иногда родители хватались за ремень. Такая вот дикая привычка. Правда, все огорчения могли пролететь и мимо. Учителя тоже люди и у них тоже случаются неприятности. И что-то может забыться. Или на родителей свалятся заботы и тогда твои провинности на фоне их бед могут показаться пустяками. И ты им сочувствуешь, а сам внутри потихоньку радуешься,

что на этот раз пронесло. Не знаю, кто и как, а я ступил на путь компромиссов в начальных классах, потому что не понимал, зачем нужно учиться и не желал безоглядно поступать так, как мне указывали старшие. Другие с тем же столкнулись позже. Я помню своего одноклассника Борю Жукова. Он всегда учился стабильно и хорошо, слушался родителей и старшую сестру. Но вдруг в последних выпускных классах стал пить вино, прогуливать школу, отчаянно врать, дерзить и неприлично ругаться. Он не мог больше никого слушаться. И его «я» проявилось. Никто не мог понять, что случилось с мальчиком, таким послушным и идеальным. Просто наступил его момент истины, когда он не мог больше жить чужим умом. И в этом состоял его бунт против тех, что говорил ему, как нужно жить. Я видел, как люди, которые хорошо учились, после школы падали низко. Они начинали пить, не зная, как им жить дальше. В школе все просто. Говорят, учи уроки – учат. Говорят, делай то-то. И делают то-то. Но рано или поздно наступает такое время, когда нужно жить своим умом и принимать решения. И наступает время компромиссов, когда нужно, входя в большую жизнь, приближаться к правде дорогами неправды, полуправды.

Наш двор кишел детьми. Мы жили в коммунальных квартирах. И в нашей квартире, как и во многих других, жили четыре ребенка. В соседней с нами комнате жили мой ровесник Сергей Мацков и его младший брат Генка. А через комнату от нас жил Гриня, совсем тогда еще карапуз. С Сергеем мы часто ссорились и дрались. Он был трусоват, слабее меня и характером, и физически. Но, видно, желание стать первым и победить свою трусость в нем сидело так крепко, что после школы он пошел в военное училище, чтобы себе что-то доказать, и позже служил пограничником. Он победил свое заикание, возможно, и трусость. Дослужился до полковника. Больше я о нем ничего не знаю. Мы ссорились, мирились и вместе познавали мир, пока их семья не переехала на другую квартиру.

Однажды мы только что пошли в школу, Сергей, предложил нам с Генкой сыграть с ним в игру, которая заключалась в таком странном предложении: «А давайте в жопы друг другу смотреть...» Почему к нему пришла такая мысль, неизвестно. И в этом, конечно, скрывалось что-то загадочное. Мы с Генкой переглянулись и почему-то согласились. Предложение пробудило в нас интерес. Мы надеялись увидеть то, что не видели, новый мир, который открывал нам неведомое. Ведь если Сергей это предложил, значит, он что-то знает. Тем более, что самому себе в зад не заглянешь. Первым показывать свой голый зад никто не хотел. Тогда мы по праву старшинства приказали Генке снять штаны и стать на четвереньки. Генка согласился при условии, что мы ему потом тоже покажем новый мир. Иначе он не соглашался. Мы пообещали все исполнить и с большим нетерпением стали ждать, когда он снимет штаны. Когда он проделал необходимое, то есть снял штаны и стал на четвереньки, я и Сергей заинтересованно уставились ему в зад. Мы ожидали чего-то невероятного и некоторое время молча взирали на открывшееся нам. Но оно не показалось нам столь увлекательным.

– Ну что там? – спросил нетерпеливо Генка.

Мы молчали, переглянулись и ответить ничего не смогли. И что мы могли ему сказать? Пока мы молчали и настойчиво смотрели ему в зад, все еще на что-то надеясь, у него кончилось терпение, и он сказал, что теперь пришла его очередь смотреть. Мы с Сергеем, понятное дело, ничего показывать ему не хотели. Как старшие мы подсознательно чувствовали в этом что-то стыдное. Тогда Генка стал хныкать и говорить, что если мы ему не покажем новый мир, то он все расскажет родителям. Вот этого нам совсем не хотелось. И мне в особенности. Сергей как зачинщик растерянно что-то говорил, от волнения сильно заикаясь, и ни за что не хотел идти брату на уступки. Все-таки он надеялся там что-то увидеть. Очевидно, в нем крепко сидела какая-то мысль или, скорее всего, подсмотренная где-то сценка из жизни старших. Генка в это время ныл и требовал, чтобы ему тоже показали чей-нибудь зад. Пришлось мне снять трусы и стать на четвереньки. Теперь они вдвоем таинственно уставились мне в зад.

– Что там? – скоро нетерпеливо спросил я. Потому что надеялся, что они все-таки у меня что-то увидят. А иначе чего они так долго смотрят в мой зад и молчат?

– Ничего, – вяло и разочарованно ответил Сергей.

Некоторое время после примитивного урока анатомии мы сидели и молчали. Потом Сергей почему-то сказал, что у девчонок совсем нет писек. «Как это нет писек? – удивился я. – Они же тоже писают». Сергей сказал, что они писают, но не понятно чем. «Они у них совсем другие», – наконец высказал он свое предположение. – Я видел». И Генка сказал, что видел. За ними и я сказал, что видел. Хотя сам не помнил, видел или нет. И когда каждый из нас рассказывал, какие они, то в этом было больше фантазии. Потому что видеть и не понимать то, что видишь, все равно, что не видеть.

В школе учат отношению мальчиков к девочкам. Если в детском саду говорят: «Не бей ее! Она же девочка...» То в школе говорят: «Нельзя так относиться к девочкам. Вы же кавалеры...» В школе приходит первая любовь. Там случается первое чувство и там происходит первое разочарование. Потому что происходящее до школы в детском саду это симпатии и по большей части неосознанное любопытство, которое выражается в таком предложении между мальчиками и девочками: «Пойдем глупости друг другу показывать». По крайней мере, какие-то симпатии для подобного действия, кажется, нужны. Это же некоторое доверие одного маленького существа другому. Тогда как в школе симпатии это все-таки вполне осознанное любопытство, то есть это прелюдия чувства, которое может перерасти в настоящее чувство, а, может, и не перерасти. В школе характер ребенка выкристаллизовывается и проявляется во взаимоотношениях. Он становится интересен не только своими костюмчиками, платицами, игрушками и родителями, а чем-то своим собственным: умением учиться, слушаться, добиваться, подчиняться или вопреки наставлениям озорничать.

В начальных классах одно время я пользовался особым успехом во дворе среди девочек. Сразу несколько девочек ходили за мной по пятам и пытались хоть чем-нибудь угодить. Тогда мы во дворе делали бомбочки из бумаги, заливали в них воду и сбрасывали с пятого этажа. Они летели вниз, ударялись о землю и разрывалась, так что бумага вместе с водой разлетались в стороны. Вместе с девочками я делал большие бомбы из газеты. Мы вместе наливали их водой, несли к форточке и сбрасывали в окно. Мне помогали Галя, Лена и Ира. Девочки старались во всю и вдруг неожиданно стали спрашивать, кто из них мне больше нравится. Я ничего не отвечал, потому что не на шутку увлекся на тот момент метанием бумажных бомб. Они так интересно падали и так интересно взрывались. Постепенно меня их вопросы стали волновать. Я подумал, кто из них больше мне нравится, и понял, что Ира. От нее помощь я принимал охотнее, чем от других. Поскольку сразу троим я оторваться не мог, то сказал, что отвечу на их вопрос позже. Через некоторое время Галя и Лена, увидев мое предпочтение к Ире, от меня отстали. А Ира стала томиться. Она не отходила от меня. И когда я уходил с матерью в магазин, она садилась на скамейку и, как делают это женщины, поджидая мужчин, демонстративно меня ждала. А потом, когда я возвращался, говорила: «Тебя так долго не было». С ее стороны это уже совсем не походило на игру во взрослую жизнь. И я этого чуть-чуть боялся, потому что не понимал, что же нам делать дальше. Мы назначали свидания за домом. Она долго не приходила. И потом рассказывала, что ее не отпускала маленькая двоюродная сестра, которой пришлось подарить набор игрушечных шприцев, чтобы та согласилась ее отпустить погулять. Она рассказывала мне, что ей нравятся такие прически, как у моей мамы и как у ее мамы. Обе носили на затылке волосы, уложенные пучком. Постепенно в наших отношениях проявлялось что-то совсем недетское, в то время, как мы оставались детьми. Мы доверяли друг другу какие-то личные тайны и показывали «секреты». В то время дети очень увлекались «секретами». Они представляли собой тайное и специальным образом обустроенное место. Делался «секрет» следующим образом. Кто-нибудь из детей потихоньку от других шел в укромное заранее

выбранное местечко, отрывал там ямку не больше своей ладошки, закладывал в нее камешки, красивые бумажки, сорванные цветочки, тряпочки, пуговицы или что-то еще. Сверху украшенного места накладывался кусочек стекла. Стекло сверху засыпалось землей так, чтобы не было видно, что здесь рыли землю. Потом дети ходили такие важные и значительные и говорили друг другу, что у них есть «секрет». Они говорили так: «Зато у меня есть секрет!» И другой ему говорил: «У меня тоже есть секрет!» Они так друг друга дразнили до тех пор, пока кто-нибудь не соглашался показать свой «секрет». Тогда он шел, отрывал замаскированное место и показывал стеклышко, за которым лежали вырезанные картинки, цветочки, камешки. В ответ другие дети, показывали ему свои «секреты» и потом спорили, у кого «секрет» получился лучше, красивее. Но были такие «секреты», которые друг другу не показывали. Потому что у каждого могло быть по два и три «секрета». И один из таких самых важных «секретов» мы с Ирккой показали друг другу. Дальше я не мог придумать, что с ней делать. Получалось, что нужно было жениться. Тогда как по настоящему до таких отношений казалось так далеко, что туманилось и кружилось в голове. И все-таки наши отношения продолжались. Мы начали втихую ходить друг к другу гости. Получилось это так. Однажды Ирка пригласила меня к себе домой и сказала, что покажет мне свою фотографию, где она совсем голенькая. «У тебя есть такая фотография?» – спросила она. «Есть», – ответил я. В нашей коробке с фотографиями лежала одна такая фотография, где я младенческом возрасте стою на диване. На спинке дивана за мной видно покрывало, на котором расшита повозка с тройкой коней. Живот у меня довольно выпуклый и ножки кривоватые. Между ними морщенной соской торчит писька. «Сначала я покажу тебе свою фотографию, – сказала Ирка. – Потом мы пойдем к тебе и ты покажешь мне свою». Я тупо кивнул головой. И при этом так разволновался, что весь задрожал. И вот приблизилось назначенное время. Она жила на четвертом этаже. Я жил на первом этаже. В назначенный день и час я поднялся на четвертый этаж и позвонил в ее квартиру. Сердце мое колотилось и со стуком просилось наружу. Ирка открыла мне дверь и с таинственным видом пропустила в черный коридор квартиры. Я шагнул в абсолютную тишину. Она взяла меня за руку и повела в темноте в их комнату. Прямо и направо. «Почему мы идем в темноте? – подумал я. – И как она будет показывать мне свою фотографию? В темноте я точно ничего не увижу». Но в комнате, куда меня привела Ирка, яркий свет с улицы падал прямо через окно на письменный стол. Я уже стоял около стола и с трепетом представлял, как она покажет мне себя голенькой. Что с нами будет тогда, я не представлял. Она стала мне показывать фотографии сначала на стенах, потом в раскрытом и лежащем на столе альбоме. Она, кажется, все тянула и не показывала мне свою фотографию, где она голенькая. Когда фотографии в альбоме кончились, она сказала мне: «Ты знаешь, я хотела показать тебе еще одну фотографию. Ой, мне так стыдно». Я весь покраснел, потому что понял, о чем она говорила. Ответственный момент наступил. «Отвернись», – попросила она. Я отвернулся. «Скажи, у тебя действительно есть такая фотография, о которой ты мне говорил?» – спросила она. «Есть», – ответил я, сильно волнуясь. Ведь она там за спиной искала сейчас эту предназначенную для меня фотографию. «Ты на ней голенький?» – спросила Ирка, трепетно смеясь в ладошки. «Да», – отвечал я. «И ты мне ее покажешь?» – недоверчиво спросила она. «Да», – искренно заявил я. «Хорошо, тогда повернись», – решительно сказала Ирка. Я понял, что она на что-то решилась, и обернулся. «Смотри...» – сказала она, протягивая мне фото. Я искал ее голенькое тело и не находил. Я видел совсем другое. Это оказалось не то, что я себе воображал. Скорее всего, она в последний момент заменила фотографию на эту, которую дала посмотреть мне. «Вот, видишь, я раздета», – сказал Ирка, показывая свое фото в распашонке и оказывая, таким образом, мне высшее доверие. «Я ее больше никому не показывала...» – для большей убедительности сказала она. Я стоял разочарованный и смотрел на маленькие голенькие ножки, которые торчали из-под ночной распашонки. Я немножко у нее еще побыл и растерянный ушел. Наступил мой черед показывать себя во всей своей первородной красе. Именно эту фотографию я мыслил ей показать. Я на диване с голенькими

животиком и ножками и за моей спиной по подушкам дивана куда-то бегут расшитые моей мамой крестиком запряженные в повозку с разухабистым бородастым седоком красные кони. После этого мне казалось, я должен буду жениться на Ирке и жить с ней до старости. Почему-то от этого мне становилось грустно. Набегала незнакомая тоска, и возникало ощущение, что я прожил уже всю жизнь. Мы назначили день, когда Ирка придет ко мне посмотреть фотографию. В квартире кроме меня, как я и хотел, никого не было. Я приготовил фото, смотрел на него и стыдился. Едва в мыслях я доходил до того места, когда покажу ей фото, как мне становилось неимоверно стыдно. Еще в детском саду и на даче девчонки дразнили ребят, говоря, что они у них письки видели. Я боялся, что это может повториться. Или просто стеснялся. Я снова и снова представлял, как она увидит мою писю. И мне казалось, что это будет все равно, как будто она за нее подержится. Так мне представлялось. Я волновался несказанно перед приходом Ирки и в последний момент, когда прозвенел звонок в дверь, все-таки метнулся к шкафу и спрятал стыдное фото куда подальше. Ирка вошла в нашу квартиру чуть раскосая от предвкушения нового зрелища и с таинственной победной улыбкой на губах. Я провел ее в нашу комнату, подвел к своему письменному столу и стал показывать фотографии. Одну, другую... Она волновалась. И с ней волновался я. В какой-то момент мне захотелось достать стыдное фото, потому что именно его хотела увидеть Ирка. Но я не рискнул. И в кульминационный момент достал из вороха фотографий одну, запасную, где я в трусиках стою на столе. «Вот», – сказал я и показал фото. Ирка осторожно взяла его в руки и посмотрела. В первый момент она приготовилась сразу закрыть глаза и отвести их в сторону. Но этого ей делать не пришлось. Она смотрела на фото с некоторой обидой. «Ты эту фотографию хотел показать мне?» – с недоверием и твердо спросила она. «Да», – не дрогнув, соврал я. «Ты говорил, что совсем голенький...» – пыталась она меня. Тогда я вспомнил ее фото и ее обещание показать мне себя голенькой. И в ответ только пожал плечами. Я чувствовал с ее стороны некий обман и поступил также. С этого дня наша любовь пошла на убыль. Летом в пионерском лагере после потрясающего фильма про далекого героя из чужой страны и разбитую любовь, я, как обещал, признался ей в своем чувстве. Это произошло так. Мы договорились встретиться под горой, у забора, который огораживал лагерь. В это время я дрался там же со старшим товарищем. Я его повалил на обе лопатки и успел только подняться перед приходом Ирки. Она подошла и спросила: «Ты что дерешься?» – «Угу», – ответил я. Она отвела меня в сторону и спросила: «Так кто тебе больше нравится?» Я еще не отошел от драки и бурно дышал. Распаленный победой я ей ответил просто и коротко: «Ты». «Дурак», – выпалила Ирка, хотя другого и не ждала. И, покраснев от удовольствия, побежала прочь. С третьей смены, в августе, она уехала с родителями отдыхать на юг к морю и приехала неузнаваемая. Она не искала со мной встречи, а словно наоборот сторонилась. От других восхищенных ею ребят я узнал, что она приехала вся неузнаваемо черная. И действительно я увидел совсем другую девочку. В модном цветастом платье, загорелая до черноты, стройная и с длинной косой она шла с девчонками старше себя, которые сразу взяли ее в свою компанию. Верх популярности во дворе, когда тебя признают старшие. Она им что-то рассказывала. И вскоре я узнал, что она рассказала всем, что я в нее втюрился и не могу без нее жить. Так я узнал, что такое женское коварство. Такое предательство меня поразило. И с того дня я больше с ней никогда не говорил. Хотя потом, когда загар с нее сошел, и письма от нового знакомого мальчика с юга перестали приходить, все могло повернуться вспять. Тогда один из моих приятелей по двору Колька Поликарпов гонялся за ней возле дома, чтобы попросту полапать. Растерянный он позвонил в мою квартиру и рассказал, что он почти поймал Ирку, но она убежала домой на четвертый этаж. Колька, шальной мальчишка, крикнул ей, чтобы она выходила, он будет ее... Здесь Колька сказал такое слово, которое написать не решусь. И обозначает оно то состояние, когда мальчик делает с девочкой то, что он хочет. На что Ирка ответила ему с верхних маршей лестницы, что она еще маленькая и никому не даст. А когда вырастет, то даст не ему, дураку Кольке, а мне. С расширенными от удивления глазами

он так и сказал: «Она обещала тебе дать...» Меня от переданных слов бросило в жар. И желанное показалось близким. Ведь это могло произойти и завтра, если Ирка поймет, что выросла. И эти слова мне льстили. Но все же я не желал больше никаких отношений с Иркой. Детский и юношеский максимализм сильная штука. Она вскоре переехала с родителями в другой район на другую квартиру. Мы встречались случайно и изредка. И никогда больше не разговаривали ни о чем. Это было то время, когда девочки еще только девочки, а мальчики только мальчики. И они сочувствовали взрослой жизни, играли в дочки-матери, желая поскорее стать взрослыми и подражая им. Где-то в укромных закоулках они говорят мальчикам, что те будут папами, а они мамами. Пап провожают на работу, детей, которыми являлись куклы, укладывают спать. Когда папа возвращается с работы, они бранят их, в точности повторяя слова мамы. И мальчики их слушаются некоторое время с ожиданием чего-то интересного. Но почему-то в этих играх не происходит то, что происходит между взрослыми, когда они обнимаются, целуются и ложатся в одну постель. Поэтому мальчишкам больше нравятся живые действенные игры без фантазий. Они любят играть в футбол, прятки и в «казаки-разбойники». Чуть позже наступит время, когда у твоих знакомых девочек вдруг появится грудь, поменяется походка, и они начнут носить в себе некую тайну. И время, когда ты только сочувствуешь тем, кто может любить по-взрослому и по-настоящему пройдет.

Глава 3

Сознание пола

Пол начинает беспокоить человека, как только он осознает свою принадлежность и противоположность к другому полу. И чем старше он становится, тем больше беспокоит его пол и тем сильнее становится его внимание к противоположному полу и своим первичным половым признакам, которые начинают проявляться с незнакомой стороны.

В детстве не знаешь предназначение всего того, что имеешь. Что он у меня есть, я заметил давно. Его в руки брала мама, доставала из трусиков и направляла в сторону горшочка. Из пупырышка текла вода. Откуда она во мне бралась я не знал. Струйка текла из него и потом заканчивалась. Я не всегда просился на горшок. Меня иногда подводили к горшку, и вода из пупырышка не текла.

– Ну, давай! Писай, писай, – просила нетерпеливо мама.

А пупырышек не писал. Я смотрел на него и понимал, что он не хочет. Тогда я передавал его нежелание маме и отрицательно мотал головой.

– Не хочешь? – спрашивала мама. – Смотри, чтоб не надудолит во сне в постель.

В ванной мама мыла меня. Она мочалкой мыла пупырышек и говорила:

– Письку надо тоже помыть...

Писька никогда не возражала, чтобы ее мыли. Я ее особо не чувствовал. Даже когда я хотел писать и писал, я не чувствовал ее как нечто специально для этого созданное. Но через некоторое время я стал ее чувствовать. Она говорила мне, что хочет писать. В моей письке проснулось желание. Пока возникало только желание писать. Я сам шел к горшку и журчал в него. Мне было приятно, когда меня брали за письку или трогали ее. В то время мы жили в общежитии. И я карапуз, годы жизни которого пересчитывались несколькими пальцами одной руки, волновался и стремился в гости к двум соседкам. Там, в их комнате, всегда чистой, прибранной, с салфеточками, занавесочками, покрывалами, таинственной и пахучей от неизвестных духов меня всего щекотало. И особенно меня всего щекотало, когда эти мягкие зрелые девственницы брали меня на колени и их тела мягко ко мне прикасались. Я чувствовал приятную щекотку в голове и по всему телу. Одна из женщин, беленькая миловидная и привлекательная мне особенно нравилась. Я старался обнять ее за шею и не отпускать. Моей письке это очень нравилось. Мама приходила к соседкам, чтобы меня забрать. И я не хотел уходить. Меня так тянуло к беленькой, что в этом проявлялось что-то совсем не детское. Позже, когда я вырос, то узнал, что суженный той женщины погиб на войне. И она так и умерла в одиночестве, никого к себе не подпустив.

Рано или поздно мальчики становятся парнями, а девочки девушками. И, когда это происходит, то не сразу можно понять, что же такое произошло. И подсказать, что это такое, не всегда есть кому. Потому что это тоже относится к интимной жизни. Отец довольно рано ушел из семьи. Точнее мать сама от него ушла. Поэтому вся информация приходила от дружков по улице. И то, что у одного и другого что-то случалось еще не означало для них изменившийся статус. С этим какое-то время жил и только потом понимал, что это было то самое.

Я и раньше запускал руки в трусы, не специально, а как-то так само собой получалось. Проведешь как будто не нарочно по причинному месту рукой и вроде успокоишься. Когда я в детстве спал с женщинами, то обязательно прижимался к ним писькой. Первой была мама, к которой я сам норовил лечь под бочок. Потом тетки, которые приезжали к нам погостить. Часто к нам приезжала незамужняя тетя Нина. Она очень походила на старую деву. Хотя рассказывала маме о том, что ее муж служил летчиком, и у них имелась дочка. И даже показывала фото девочки, которая яко бы умерла. Но почему-то ни я, ни мама ей не верили. Она часто у нас оставалась ночевать. Ее укладывали спать на моей кровати. Так что мне приходи-

лось потесниться. Мать спала отдельно на диване. В крайнем случае, когда гостей оказывалось больше одного или двух, им стелили на полу матрац. Так вот, когда я спал на своей кровати с женщиной, то не только прижимался к ней писькой, но еще обязательно забрасывал одну ногу на нее сверху. Меня это успокаивало, так как писька плотнее прижималась к телу спящей рядом женщины и я лучше засыпал. Тетя Нина бесцеремонно сбрасывал мою ногу с себя. Но я все равно снова и снова закидывал на нее ногу во сне. «Чего это он у тебя ноги забрасывает на меня?» – спрашивала она раздраженно утром у матери. Мать только смеялась и тихо говорила ей: «Да он еще маленький. . .» Когда я спал с мужчинами, то ногу на них не забрасывал. Все эти неосознанные беспокойства до поры, до времени проходили почти незаметно. Но вот наступило время, когда меня стало охватывать вполне заметное, но еще не осознанное беспокойство. Писька почему-то так и притягивала к себе руки. Прежде я трогал ее от нетерпения, когда мне хотелось писать, чтобы добежать до туалета и направить струйку в унитаз. Постепенно я стал ее трогать чаще, словно в ней что-то скрывалось. Хотя я еще не понимал что именно. Не понимал, зачем нужны эти шарики в кожаном мягком и вялом мешочке. Взрослые ребята говорили о них с юмором, вкладывая в слова непонятные значения. Из их слов я понимал, что они нужны для чего-то гораздо более важного и являются принадлежностью пола. У девочек ничего такого не наблюдалось. Между ног у них находилось что-то странное и смешное, похожее на щелку в заборе или на пирожок с морщинкой посередине. А тут между ног целое скульптурное сооружение. И с этим неизвестным хозяйством нужно была как-то разбираться. Поэтому я трогал свои органы, познавал их, себя и свой пол. Половые органы меня привлекали сами по себе и еще тем, что я о них ничего не знал: ни на словах, ни на деле. Смутные кое-какие догадки имелись. Тем более что в противоположном поле: в женщинах, девушках и девочках скрывалось столько загадочного и волнительного. Из-за них появлялись неизвестные чувства и мысли. И волнение невольно возникало или отдавалось смятением в голове, сердце и половых органах. Они каким-то образом давали о себе знать. Вечером перед сном я трогал свои органы, чтобы успокоиться, не специально, а как-то само собой. Утром проверял, все ли по-прежнему и не произошли ли какие-нибудь изменения. Ведь изменения с ними именно в это время происходили. Вокруг появилась растительность в виде тонких вьющихся черных волосков. И это что-то означало. Писька изменялась и обретала новые свойства. Она иногда стала принимать некую упругость, обретала форму небольшой дубинки и некоторую твердость. И с этим нужно было что-то делать. Ее стало приятно держать в руках. Чтобы осознать происходившие изменения, я становился перед зеркалом и рассматривал себя. Это являлось элементом и зримой частью осознания пола. Глядя в зеркало и прислушиваясь к своим ощущениям, я с удивлением отмечал, что она может сама менять форму и менять положение от мыслей, желаний и образов. Если я был одет, она через одежду давала о себе знать. До этого ничего подобного со мной не происходило. Писька переставал быть тем, чем была и становилась таинственной частью моего тела.

В тот день я лежал на диване и удивлялся тому, что мой орган, который я называл писькой, изменялся на глазах, обретая крайние и промежуточные состояния, переходя из вялого и скромного в увеличенное, напряженное и нескромное. Стоило мне отвлечься и подумать на секунду о чем-то мимолетном, как он терял оформленность, сникал и теряясь уменьшался на глазах. Но едва мимолетное уходило я возвращался к тому, что только что испытывал, он из состояния вялой мягкотелой бесформенности легко увеличивался и переходил в состояние упругой твердости, которая приобретала форму некой опоры. Такие превращения удивляли, а возникающая напряженность меня особенно беспокоила. Когда я попытался с этим справиться и уменьшить его, положить, он восставал, не уменьшался и не укладывался. Оказалось, что собственную природу, как и окружающую, не всегда легко победить. В это время я почувствовал приближение чего-то нового, особо волнительного и необъяснимого. Я пытался понять, что со мной происходит и что-то себе объяснить. В это время крайняя плоть немного осво-

бодила купол пытающейся взлететь ракеты. Полностью я не мог освободить весь купол. Мне становилось больно. Потому что крайняя плоть была еще узкой, не растянутой. Прежде он так не набухал и не растягивал кожу и не становилась таким большим. В мозгах помутилось и я ничего не понимал. Я не понимал, что со мной происходит. И вдруг из тонкой прорези на самом верху уже багрового купола, откуда струйкой обычно вытекала моча, стало выходить нечто иное и совсем не знакомое. Приятные судороги заставили меня вздрагивать. Кажется, они исходили из низа живота и расходились по всему телу. Я изгибался, мелко, непроизвольно двигался, сознавая, что не принадлежу самому себе, а только тому, что находится во мне. В этот момент купол стал напоминать вулкан, из которого пульсирующе одновременно с моим ритмичным вздрагиванием и толчками моего сердца выходила беловато-желтоватая со студенистыми сгустками жидкость. «Что это? Что со мной произошло?» – подумал я, пугаясь. И через некоторое время, приходя в разум, сказал себе, поражаясь происшедшему и прозревая: «Это малафья...» Славка рассказывал мне о ней. Мы с ним одно время сдружились. К тому времени Сережка с Генкой переехали на другую квартиру. И я подружился со Славкой. Он оказался старше меня на четыре года. И мы с ним интересно проводили время. Запускали самодельных бумажных змеев из папиросной бумаги с хвостами из мочала. Сначала клеили из тонкой бумаги каркас, затем укрепляли картоном или тонкой фанеркой по всем сторонам. К углам привязывали катушку с нитками. На катушке с торца имелась этикетка, на которой в кружочке должны были стоять цифры «10» или «20». Они обозначили крепость ниток. «Десятка» – означала самые крепкие нитки. Я бежал впереди, держа в руках катушку ниток, и тащил за собой змея. Бежать следовало очень быстро. Славка бежал за мной следом со змеем в руках, чтобы в нужный момент его отпустить. Если змей не взлетал, мы облегчали ему хвост, отрывая кусок мочала. Если он начинал вилять, наоборот приделывали хвост потяжелее или клеили корпус чуть больших размеров. Я много раз запускал со Славкой воздушных змеев и испытывал от этого несказанную радость. Ты сам стоишь на земле, а твой змей, которого ты сделал и которого ты держишь на крепкой нитке, парит высоко в небе. Еще мы со Славкой ставили мышеловки на крыс и мышей, летом лазили на гаражи загорать. Словом, мы хорошо дружили. Славкин отец воевал вместе с Буденным. Худой, болезненный и высокий, он нигде не работал и целыми днями сидел в палисаднике у дома. Туда он выходил в галифе и гимнастерке или в брюках с красными лампасами, курил, о чем-то думал и разглаживал рыжеватые загнутые кончиками чуть вверх усы. Мама Славкина, маленькая с комически круглым лицом женщина рядом с мужем выглядела просто игрушечной. Она обязательно подходила к нему с сумками, когда шла из магазина или возвращалась с работы. Он сидел на скамейке сильно худой и, ссутулившись, слушал то, что она ему говорила, и курил. Хотя она стояла, их головы находились почти на одном уровне. Потом она уходила с сумками домой. Он продолжал сидеть. Все ребята с уважением смотрели на Славкиного отца. Так получилось, что мы со Славкой дружили не долго. Его отец скоро сильно заболел и умер. Славка сразу повзрослел. Его мать после смерти отца прожила невероятно мало. Одно время я часто встречал его по дороге в техникум. Славка учился в «Тимирязевке» и выходил из автобуса на пять-шесть остановок раньше меня. От него я узнал, что он учится на биологическом факультете. Иногда мы встречались на автобусной остановке. Он только отпустил бородку и выглядел замкнуто и аскетически. Последний раз я его видел в Тимирязевском лесу. Он гулял с девушкой, маленькой и худенькой, как его мать. Мы коротко поговорили. И я узнал, что Славка едет биологом работать на станцию в лес. Я сразу вспомнил, как мы ставили мышеловки за сараями и гаражами.

Так вот Славка мне по секрету как-то сказал, что у него есть малафья и что это признак того, что он стал мужчиной. «Какая она?» – спрашивал я. «Она такая белая. И появляется, если делать манипуляции», – отвечал Славка. Я просил рассказать его мне все подробнее. И тогда он рассказывал, как заходит в туалет, делает там манипуляции и как появляется эта малафья.

Еще мне о малафье говорил Арик, необыкновенно лопоухий и начитанный еврейчик. Звали его по настоящему Аркашу. И мать все время звала его домой так: «Арик, домой». В отличие от нас дворовых футболистов Аркашу водили на стадион «Динамо» заниматься большим теннисом. Он посматривал на нас свысока и говорил, что большой теннис существует для элиты. Он тогда уже благодаря настояниям родителей думал о карьере. Мы во дворе имели представление только о настольном теннисе. Большой теннис не являлся популярным и распространённым. Арик же просвещённо нам говорил, что в большой теннис играют дипломаты, деловые люди и бизнесмены и на теннисном корте легко заводить полезные знакомства. Как-то он поделился с нами, что если у нас болит грудь и соски, то это малафья созревает. Мы тогда не поняли, почему малафья созревает в сосках. Но Арик был старше нас на два года и его шутовщина иногда довольно бесстыдно и откровенно оттопыривала штаны в самые неподходящие моменты. Однажды две старшие девчонки Надя Казанская и Лариска Шмелева, играя, привязали ласкового еврейчика Арика к дереву и дали волю рукам, чтобы познать то, что оттопыривало так его штаны. Когда мы расспрашивали Арика об этом эпизоде, он молчал и только краснел.

«Так это оно», – подумал я и в этот момент понял, что моя писька перестала быть писькой и стала чем-то другим. Она стала тем, что взрослые называют органом или членом. На ругательном языке это называлось иначе. Так я понял, что стал юношей и осознал, что теперь могут делать то, что делают взрослые мужчины. Единственное, что я тогда не понял, это какую муку и заботу на всю жизнь приобрел.

Итак, я стал юношей и почти мужчиной. По крайней мере, я познал, что такое опьяняющий запах теплой спермы. Я познал, как он может кружить голову. И само вещественное подтверждение, что ты мужчина прекрасно и волнительно.

К этому времени я уже вполне окреп физически и мог выполнять мужскую работу. Начиная говорить басовито. И мог делать то, что делают мужчины с женщинами. Но этого еще никто кроме меня не знал. Кричать об этом я не собирался, не желал, так как подобное в обществе не принято. И в это же время я понял, что совсем не знаю, что такое женщина. Невольно я стал искать случая, чтобы узнать подробнее о неизвестном, противоположном поле. Мы в укромном месте рассматривали с ребятами фотографии голых женщин. И когда к нам подходили ребята помладше мы им говорили: «Идите, идите отсюда. Вам еще рано». Точно так же, как отгоняли нас когда-то старшие ребята. Мы ходили к поликлинике подглядывать в окна за раздевающимися женщинами. Причем нас интересовали молодые женщины с красивой грудью. Мы сновали под окнами первого этажа, где располагались медицинские кабинеты и ждали зрелища. Сначала врач разговаривал с пациенткой, потом предлагал ей раздеться. Вот здесь все и начиналось. Тогда мне очень хотелось стать врачом. Когда женщина обнажала грудь, наступала кульминация. Кто залезал, чтобы посмотреть, на дерево, кто на гаражи, кто тянулся на цыпочках вверх, стоя у подоконника. Все окна поликлиники до половины изнутри закрашивались белой краской. Поэтому мы залезали на ящики, по очереди вставали на плечи друг друга и потом делились впечатлениями. Это довольно быстро надоело, потому что не удовлетворяло ни любопытство, ни любознательность. Но у каждого были свои пути и возможности. Кому-то повезло больше и ему показала все, что нужно, старшая сестра, кто-то увидел все у младшей сестры. Другие удовлетворяли любопытство неведомыми путями. Они не проговаривались об этом никому и на вопросы только краснели и мотали отрицательно головой, иногда так проговариваясь, что становилось понятно, что и их сия чаша не миновала. Беспокойство пола и неудовлетворенность познания заставило и меня искать возможности. Надо было что-то придумывать свое. И я придумал, что лучше всего для этого подойдет ванная комната. Там мылись раздетыми соседки тетя Валя и тетя Лена. Там мылась моя мать. К сожалению, никто до этого не водил меня в картинные галереи. Я не увидел к этому времени прекрасных

купальщиц Ренуара. Не увидел обнаженных женщин Рубенса, Рембрандта, Гогена и многих других художников. Только годом позже я приобщился к прекрасному, увидев в «Музее Изобразительных Искусств имени А. С. Пушкина» эти картины и скульптурные миниатюры Родена «Весна» и «Любовь». Они меня покорили. Кстати в тот раз мы попали в музей случайно. Но, видимо, каждому все в свое время. К тому же соседки жили рядом, плотские и живые. До них можно было дотронуться руками и их тела, спрятанные под платья и халаты, увлекали таинственностью. Наша коммунальная квартира с высокими потолками на три семьи состояла из трех комнат, коридора, ванной комнаты, туалета и кухни. Между ванной комнатой и туалетом под потолком имелся проем в виде окна, которое наглухо закрывали деревянные жалюзи. Если зайти в туалетную комнату и стать на унитаз, то чтобы дотянуться до жалюзи мне не хватало полметра. С другой стороны туалетная комната соседствовала с кухней. Между ними имелся такой же проем в виде окна. Только вместо жалюзи в него вставили обычное стекло. Если бы такое стекло отделяло ванную комнату и туалет, мои проблемы разрешились бы быстрее и легче. Я не знал, как мне дотянуться до жалюзи. Меня мучило не то, что я не сделал уроки и не то, что меня на улице ждал футбол, а совсем другое. И так, чтобы заглянуть в ванную, мне следовало добраться до деревянной жалюзи. Что я и пытался сделать. Заходил в туалет, становился на унитаз и дальше ничего не мог придумать. Я не мог подпрыгнуть, схватиться за деревянный крашенный край жалюзи и подтянуться. Выступ у жалюзи оказался маленьким. И подставленный стул мне не помог. Помогли два стула, поставленные один на другой. Что я и опробовал. Стоя на двух стульях я оказался почти на должной высоте. Можно сказать, в первом ряду партера домашнего театра. Не хватало чуть-чуть высоты. И что теперь мне каждый раз заносить стулья в туалет и потом выносить обратно? В театре так не поступают. И если заносят стулья, то только для дополнительных мест. Мысль о том, как мне добраться до жалюзи не давала покоя ни днем, ни ночью. С внутренней стороны туалетной двери в верхнем левом углу торчал прикрученный ограничитель, металлический штырь с резиновым черным наконечником. Когда дверь распахивалась полностью, то он, упирался черной резинкой в стену и не давал стучаться о нее пластмассовой ручке. Этот ограничитель я и облюбовал для использования в своих целях. Отыскал в комнате веревку, крепкую киперную ленту, и принес ее в туалет. Понятно, что все это я проделывал, когда оставался в квартире один. На конце веревки я сделал петлю, которую, как лассо, накинул на ограничитель. Резиновый наконечник не позволил веревке сползти с металлического штыря. Я потянул левой рукой за веревку и почувствовал уверенность. Веревка держала меня. Таким образом, одна необходимая точка опоры у меня появилась. Я стал на унитаз, снова потянул веревку, прикрепленную к ограничителю, на себя и, зависнув на ней, дотянулся левой ногой до ручки двери. Опершись ногой о ручку и держась за веревку, я дотянулся теперь правой рукой до края жалюзи и приподнялся над нижними планками. Оставалось заглянуть между ними. Что я и сделал. В ванной комнате я не увидел ничего желаемого. Планки жалюзи имели такой наклон, что вместо белого овала ванны я смог увидеть только потолок. Любовь к женщинам и неодолимое стремление к противоположному полу подхлестывали меня и заставляли думать и действовать. Я спустился. Поставил два стула и, забравшись на них, с помощью шила проковырял в одной из нижних планок жалюзи дырочку под углом, который позволял мне хорошо рассмотреть купальщиц. К тому же со стороны ванной комнаты дырочка казалась незаметной. Это я тоже проверил. В ближайшую субботу, когда все в квартире мылись, – этот день недели являлся официальным баннным днем, – я решил опробовать свое крохотное окошко в незнакомый и притягательный мир. Кто ни разу не подглядывал за женщиной, тот потерял в жизни, если не все, то многое. Когда мы подглядывали в окна поликлиники, рядом с нами болтался какой-то мужик. Он тоже лазил по деревьям, забирался на крыши гаражей и пялился, как загипнотизированный, в окна. Мы его презирали, потому что понимали, что в его возрасте уже нужно заниматься совсем другим. Каждый из нас знал, что подглядывать нехорошо. Что за это могут не только осудить

на словах, но и побить. Надо признаться, я и теперь не отношусь с омерзением к тому, что происходило тогда. Потому что понимаю, что и в то время я искал свою женщину, ту единственную, неповторимую и желанную. Разглядывая женщин, я думал: «Вот такая будет у моей женщины грудь!.. Такая талия... Глаза... выражение лица... Улыбка... Белая кожа... И вот такая родинка у соска...» Если бы я не видел женщин и их тела, я бы не знал, какая будет у меня женщина. И теперь, если какой-нибудь мальчик будет подглядывать за моей женщиной, я дам ему подзатыльник, в котором будет больше сочувствия и отеческой ласки, чем раздражения и злости. А если это будет делать взрослый парень или мужик, я ему скажу пару ласковых и слегка наподдам. И этого будет достаточно. В то же время я точно сознавал, что делаю нечто гаденское, подленькое и непотребное, но ничего поделать с собой не мог. Я с большим нетерпением дожидался субботы. Все мои мысли сосредоточились на этом дне недели. И он наступил. Всегда, когда кто-то собирался купаться, ванна об этом оповещала – струя воды шумно и продолжительно падала в ванну. Сначала она глухо стучала по дну ванны. Затем гулко ударяла по налитой воде и та бурлила. Кроме того, гудела газовая колонка, которая газом нагревала холодную воду и делала из нее горячую. Как только я услышал все это ближе к вечеру, то понял, что мое время пришло. Кровь ударила мне в голову. Руки дрожали от нетерпения. Через некоторое время я мог увидеть то, чего так долго ждал. Кино, которое я сам для себя придумал, устроил и организовал, вот-вот могло начаться. Я знал, про что оно будет, но не знал важных подробностей. Я не знал, кто будет играть главную роль, то есть, кто будет мыться. Поэтому ждал и до времени в коридор не выходил. В коридоре я слышал шаги. И мне показалось, что они женские. Значит, мыться будут тетя Валя или тетя Лена. Из нашей комнаты я слышал, как дверь ванной открывалась, так как на эти секунды падение воды становилось слышнее. Затем, дверь закрылась. И снова вода падала, издавая отдаленные бурлящие звуки. В ванную кто-то заходил. И потом вышел. Через некоторое время, когда падение воды стало менее слышным, то есть воды набралось уже достаточно много, снова кто-то вошел в ванную и уже не выходил. Я, дрожа всем телом, положил веревку в задний карман тренировочных брюк и вышел в темный коридор. Вечерние сумерки пробрались в квартиру и рассеялись, занимая углы. Их можно было спугнуть, включив свет. Но этого я делать не собирался. В темном коридоре мне никто не встретился. Из-под двери ванной комнаты тонкой полоской выходил свет. Я продвинулся чуть дальше, щелкнул выключателем у следующей двери, тихо открыл ее и зашел в туалетную комнату. Обернувшись, я закрыл ее за собой на задвижку. Быстро достал из кармана веревку. Накинул ее на проверенный дверной штырь. Стал на унитаз и прислушался. Стихло... Это закрыли кран и вода перестала литься в ванну. Послышался нежный плеск. Я затрепетал и зашпешил вместе с сердцем куда-то вверх. Оно колотилось у меня в висках, пытаюсь выпрыгнуть из груди. В моем распоряжении оставалось не так много времени. В коммунальной квартире туалет являлся общественным местом, и его надолго занимать считалось неприличным. Кроме того, я теперь не желал привлекать к нему внимание. Накинув на штырь лассо, я потянул на себя веревку, сдвинулся к самому краю унитаза и дотянулся левой ногой до ручки двери. Еще подтянулся и ухватился правой рукой за край жалюзи. Держась одной рукой за край жалюзи, опираясь ногой о ручку двери, я припал к крохотной дырочке и увидел белое женское тело, нагое и притягательное. Я не видел его все, а только часть и как будто в тумане. Все оказалось в величине дырочки. Весь мир сузился до величины этой дырочки, а она оказалась мала. Она получилась столь скромной, что при моем нескромном желании, я почти ничего не увидел. Я видел что-то белое, плечо, руки. Но из-за тумана в крохотной дырочке я не испытывал уверенности, что видел именно то, что видел. Огорченный, потерпев неудачу, я спустился одной ногой на унитаз, сознавая, что меня подвела осторожность. Я не учел толщину деревянных планок жалюзи и теперь мучился от неудачи. Но я знал, что буду делать. Дождавшись, когда в будни снова дома никого не будет, я взял из ящика с инструментом гвоздь не самого большого размера. Принес в туалет два стула. Поставил стулья один на другой, залез

на них и гвоздем проковырял в нижней деревянной планке жалюзи дырку больше. Края проделанной дыры раздвинулись, и туман в ней пропал. Теперь я видел большую часть ванны. Но этого мне показалось мало. Я не смог успокоиться, спустился на пол и пошел в ванную. Там поднялся на деревянную скамейку, на которую обычно ставили тазики, и с другой стороны планки расширил проделанную дырку так, чтобы она напоминала маленький раструб. Это еще больше расширяло обзор. Когда все показалось готовым, я испугался и пришел в ужас, потому что теперь дырку нельзя было не заметить. И я об этом пожалел. Дырка выглядела слишком заметной. Стоило бросить снизу из ванны или с пола целенаправленный взгляд на решетку из деревянных наклонных планок, как в глаза бросалось темное пятно, появившееся на нижней планке. Да, дырка беспардонно чернела на второй снизу планке жалюзи, окрашенной в белый цвет. Успокаивало только, что специально и пристально вверх никто смотреть не будет. И все-таки я содрогался от мысли, что буду раскрыт. Лицо заливала краска от одной мысли, что кто-то догадается об этой части моей жизни, в которую я, разумеется, не желал посвящать никого. Я не знал, что со мной будет, если через дырку заметят мой глаз. Тогда, мне казалось, я точно провалюсь сквозь землю. Я с ужасом представлял, как кто-то смотрит пристально в дырочку и вдруг видит мой глаз, видит, как он двигается и моргает за дырочкой. Мурашки побежали по телу. Успокаивало, что дырочка все-таки оставалась вполне маленькой. И глаз через нее на расстоянии в два-три метра рассмотреть будет нельзя. Я снова зашел в туалет и забрался на два стула. Теперь и со стороны туалета дырка показалась мне слишком заметной. Правда, чтобы ее заметить, следовало забраться на два стула. Такой необходимости возникнуть не могло. Позже я предусмотрительно залепил ее пластилином, чтобы отлеплять, когда нужно, и, как выяснилось, правильно сделал. Я ждал следующей субботы с таким нетерпением конструктора, который придумал, как ему усовершенствовать свою модель. Среди недели я услышал знакомый шум в ванной. Струя воды падала и заставляла воду в ванной бурлить. Меня этот шум начинал волновать. Ванна наполнилась. Я взял веревку и, как опытный скалолаз, пошел в туалет. Он оказался занят. Я вернулся в комнату. «Ты что?» – спросила меня мать, подняв голову от шитья. В моих движениях она, должно быть, она заметила излишнюю порывистость и нервность. «В туалет хочу, а там занято» – сказал я ей правду. Для чего я хочу в туалет, я ей, понятно, говорить не собирался. «Что же потерпи немного», – сказала мать и снова обратилась к шитью. Я услышал, как дверь туалета открылась и захлопнулась, но продолжал выжидать, чтобы не вызвать подозрений. В то же время я боялся, что могу пропустить что-нибудь интересное. «Туалет освободился», – между прочим, сказала мать. «Да?» – спросил я, как будто не слышал стука двери, и тут же вышел из комнаты. Плохо было то, что в данный момент я не мог находиться в туалете, столько, сколько хотел. Мне следовало отсчитывать про себя время, нужное для туалетной надобности. Проходя мимо двери в ванную, я услышал голос тети Вали. Она тихо пела. Что меня, понятно, взволновало. Значит, я не зря шел в туалет и все намеченное сбудется. Зайдя туда, я закрыл за собой дверь на задвижку, достал из кармана веревку, набросил петлю на штырь и затянул узел на нем. Затем стал на унитаз, сдвинулся на край и, подтянувшись за конец веревки вверх, оперся ногой о ручку двери и одновременно ухватился рукой за раму от жалюзи. Этот прием у меня с каждым днем получался все лучше и лучше. Голос за стенкой пел. Дрожа от нетерпения, я заглянул в дырку и замер. Я увидел черные волосы и белые пухлые, полные руки. Они поднимались и опускались. Я сильнее прижался щекой к жалюзи, замер, приготовившись к главному, но ничего не увидел. Тетя Валя стояла ко мне спиной в платье и, когда она наклонилась и снова поднялась, я понял, что она стирает. Она хватала белые наволочки и мотала их из стороны в сторону, полоща белье в ванне. Я смотрел на нее, видел всю и оставался незамеченным. Это означало, что я могу совершать желаемое так, как того хочу. Так оно и оказалось. Я увидел, как мылась тетя Валя в этот же день только чуть позже. Когда я увидел черную опушку у нее между ног, я чуть не упал. Это было прекрасно. Она мылила мочалку, терла тело, а я смотрел на нее и словно делал все то же самое, в мыслях

трогая ее тело. Ее женская свислая грудь чуть двигалась и казалась отдельно красивой и живой. Но больше всего меня привлекало другое. Черные короткие вьющиеся волосы скрывали от меня что-то еще и, как мне казалось, главное. Именно в них пряталась тайна другой жизни. Меня всего колотило. Я приобщался к таинственному. И никак не мог приобщиться к нему до конца. Затем я подглядывал так за мамой и за тетей Леной. За мамой я перестал подглядывать вскоре. Мне не показалось это таким интересным. Каждый раз, когда я подглядывал за соседками, все повторялось. Я вдавливал глаз в планку жалюзи и не чувствовал боли. Мысленно я даже протягивал руки и трогал купальщиц. И однажды я слишком увлекся и, как скалолаз, потерявший бдительность, все-таки свалился в свою пропасть. Веревка, за которую я держался рукой, съехала по штырю на край, сдвинула резиновый наконечник и сорвалась с кончика. Я не удержался и грохнулся на пол. Я так сильно ударился спиной о край унитаза, что мог даже остаться инвалидом или стать горбатым. Слава богу, на грохот, от моего падения никто не обратил внимания. А если бы обратил, то сильно удивился тому, что я так громко могу упасть с унитаза. Я оказался на грани разоблачения. Потому что мог сломать ногу, руку, ребра. Когда бы началось разбирательство, все могло выясниться. Только представив это я краснел до кончиков ушей. Вскоре после падения я перестал поглядывать, потому что не видел ничего нового и являлся уже неким повзрослевшим знатоком. Потому что, когда Васька Блинов сказал нам, что видел все по-настоящему, я с другими ребятами хотя и не поверил ему, но отнесся к этому спокойно. Ребята просили Ваську, чтобы он им рассказал, как все было. Тот сопротивлялся и потом под честное слово, что мы никому не расскажем, поведал нам, что ему показала свою тайну сестра Танька. Таньку мы хорошо знали. Она опережала Ваську возрастом на четыре года и была ему двоюродной сестрой. Мы стали расспрашивать Ваську, как это произошло. И он рассказал нам, что Танька сама к нему подошла и спросила, хочет он посмотреть у нее или нет. Она так и спросила: «Хочешь посмотреть у меня?» Васька сказал, что хочет. И она ему сразу показала. Подняла платье и показала также по уличному просто, как обычно ребята показывают друг другу фигу. Тогда мы спросили у Васьки, может она и нам тоже покажет. Васька сказал, что нет. Мы ему не поверили. Потому что знали, что Танька отчаянная дура. Она могла схватить кирпич и гоняться за обидевшими ее ребятами-малолетками с готовностью прибить. Именно поэтому словам Васьки мы до конца не верили. Вдруг она тоже захочет сделать для нас. И, чуть погодя, спросили у нее, правда, это или нет. Танька сказала, что правда и погрозила кулаком Ваське, который ее подло выдал. Тогда мы у нее спросили, может, она и нам покажет. После чего Танька завопила: «Ишь, чего захотели!» И, схватив подвернувшийся кирпич, сначала помчалась за нами, а потом с диким криком метнула его нам вслед. Та еще была девочка. А как раз перед этим в нашем дворе появилась не какая-нибудь дура вроде Таньки, а настоящая сумасшедшая девочка лет четырнадцати. И ребята с девчонками ходили за ней по пятам. Когда я спросил, чего они за ней ходят, мне сказали, что у нее под мышками волосы растут. И я уже понимал, что это значит. Кроме того, у нее под платьем заметными бугорками дулись отнюдь не девичьи выпуклости. Сумасшедшая малолетка странно коверкала слова. Мы с трудом ее понимали и девчонки, которые вокруг нее крутились, нам их переводили. Иногда полоумная выдавала такое, что никто не понимал. В это время любопытство и отвращение боролись в нас очень сильно. И я понял, что девчонкам все также интересно, как и нам. Они также как и мы от мам и пап не могли все узнать о взрослой жизни и тянулись к ней. Мы тянулись к этой жизни не меньше их и поэтому хотели, чтобы они ее завели куда-нибудь, чтобы полюбопытствовать насколько можно. И с одной стороны они хотели нам помочь и даже провоцировали нас на что-то большее. С другой стороны они защищали подопечную и всякими способами оттягивали этот момент. Среди них произошел раскол. Одни хотели на происходящее посмотреть со стороны, чтобы все случилось. Другие крепко стояли за девичьи тайны. Они шушукались, спорили и, в конце концов, разругались. Одни, которые хотели посмотреть, как мальчишки будут удовлетворять любопытство, говорили: «Что вы ее защищаете? Она же сумасшедшая».

Другие, совестливые, стояли на своем и твердили: «Ну и что же? Она девушка». Ребятам это надоело, и они оставили девчонок одних валандаться со своей полувзрослой идиоткой. Очень скоро эта сумасшедшая пропала из нашего двора. Говорили, что она забеременела от каких-то взрослых мужиков.

Я чувствовал, что со мной начинает происходить то же самое, что происходило в пионерском лагере с Балбесом в прошлом году. За большой рост мы его еще звали Дылдой. Он был старше нас на два года. И его распределили в наш отряд, потому что он по своему умственному развитию соответствовал нашему возрасту. Так, по крайней мере, думали вожатые или те, кто его направил в наш отряд. Так вот Балбес во время тихого часа доставал свою штуку внушительных размеров и развлекался. Тогда для нас, младших мальчиков, подобное действие вообще воспринималось в диковинку. Позже уже в старших отрядах такое же нередко проделывали другие ребята, мои ровесники. Например, Игорь Орехов. Он классно играл в шахматы и обыгрывал всех подряд как детей, так и взрослых из числа обслуживающего персонала лагеря. Являясь в своем роде интеллектуалом, он проделывал это, лежа в постели, не без изыска, играючи и при этом похохатывал: «Ха-ха-ха-ха! Меня это здорово развлекает!..» Он засовывал руку под одеяло, и оно начинало подниматься и опускаться. Потом Игорь откидывал одеяло и показывал всем свой небольшой устремленный к потолку ракетой орган. Иногда он нас обманывал. Поднимал и опускал одеяло. Потом откидывал его и оказывалось, что он лежит в трусах и просто рукой поднимал и опускал одеяло для хохмы. Это было такое своеобразное представление, шоу. Что-то вроде показательных выступлений по самоудовлетворению для окружающих. Все это время хохот не прекращался. Мы ржали отчаянно, так как каждый из нас мог сделать то же самое. Но Игорь проделывал это лучше нас, нагляднее, игривее. Балбес же делал все это для себя. Как-то маленький Ленька заметил, что у Балбеса по-взрослому большая штука и попросил показать ее ребятам. Этот Ленька оказался доверенным лицом Балбеса, потому что являлся весьма смышленным. По просьбе Леньки Балбес стал показывать свою штуку ребятам и проделывать с ней разные трюки, когда его штука то поднималась сама, то опускалась. Кто-то из ребят сравнил его штуку с конским достоинством. Когда у Балбеса после его манипуляций штука становилась просто огромной, мы все поднимались на нее посмотреть и затем падали от смеха на кровати. А Балбес увлекался этим занятием и продолжал уже все делать для себя. Здесь мы замолкали и краснели. Некоторые Балбеса подбадривали: «Давай, давай!» Однажды во время таких упражнений Балбеса к нам в палату зашла Мария Ивановна. Мы ее звали Короной. За крупный бюст, непомерно пухлую грудь, которая так и норовила двумя большими шарами выкатиться наружу из туго растянутой обширной шерстяной кофточки. Ребята в таком возрасте не прощают никакой чрезмерности и клички дают точные. Она была крупной женщиной, неповоротливой и какой-то уж через чур нервной и строгой. Казалось, она все время на кого-нибудь орала. Могла и попросту дать сильную затрещину. Короче, ей бы лечить где-нибудь нервы в больнице, а она в пионерский лагерь поехала отдохнуть возле детишек. Но с детьми особенно не отдохнешь. И, похоже, это ее злило. Так вот, когда она увидела огромную и вздувшуюся от действия штуку Балбеса, рот ее открылся от внутреннего крика, но самого крика так и не последовало. Еще час назад она могла дать Балбесу подзатыльник или просто рукой наотмашь по морде. А теперь она стояла как вкопанная с открытым для крика ртом и, словно забыв, что она хотела кричать, не могла прийти в себя. «Ты... Ты что делаешь? – спросила она, наконец, густо покраснев. – Не стыдно? А ну-ка спрячь это...» Самое комичное заключалось в том, что Балбес так увлекся своим занятием, что увидел Корова самым последним из нас. Может быть, он ее увидел, когда она начала говорить. Увидев ее, Балбес замер и конечно спрятал свою штуку под одеяло, но при этом ничуть не смутился. Во всем его облике проглядывало сильное недовольство из-за того, что ему не дали довести дело до конца. И потом, это было его личное дело. Корова, увидевшая вдруг в парне мужчину, которого, возможно, ей так не хватало, развернула свой массивный бюст и красная от стыда и

растерянности ушла. Балбес посмотрел ей вслед и со знанием дела заявил: «Ее никто не долбит вот она и злится...» – «А других что долбят?» – поинтересовался с удивлением маленький Славик. «Конечно, – заявил уверенно Балбес. – Посмотрите, сколько на берегу гондонов валяется. – «Не гондонов, а гондомов, – поправил Балбеса маленький Славик, отец у которого еще в то время мотался по заграницам. «И нашу Валентину?» – как-то особо взволнованно спросил Вовка Маруськин. Я давно заметил, что она ему нравится. «Ха-ха, – заржал Балбес. – Она что хуже других? Конечно, долбят. Зря, что ли около нее вожатый третьего отряда Юра увивается?» Маруськин аж перевернулся с боку набок. – «А что такое гондоны? – спросил Балбеса Алик Зябликов. Все остальные ребята замерли и прислушались. «Это такие резинки. Их надевают, перед тем, как бабу долбить. Чтоб детей не было», – со знанием дела пояснял всем Балбес. Мы еще сами были дети и на нас это «чтоб детей не было» подействовало неприятно. Это и закрыло тему гондомов.

И действительно мы на следующее утро пошли специально гулять по берегу и находили эти самые гондомы. Они лежали неприглядными, растянутыми бесформенными резинками. И только валик ободка у них выглядел по-прежнему четким и упругим. «Это они! Они! – тыкал с испугом в их сторону пальцем маленький Славик. – Я такие около дома находил. Их в окно выбрасывают». – «Зачем их в окно выбрасывают? Что нельзя в унитаз или мусоропровод?» – спрашивал его Алик Зябликов. «Мне говорили, что в унитазе они всплывают, – пояснял Славик, боявшийся их, потому что из-за них его могло и не быть. – А надо, чтобы жена не заметила...» Так мы поняли, что пионервожатые тоже люди и ничто мирское им не чуждо.

Теперь и для меня наступило другое время. Мои половые органы рассказали мне, что я стал мужчиной. И беспокоило меня то, что они совсем не предназначены для моих рук. Скорее, они предназначены для женских и даже не для рук. Хотя руки это самое чуткое, что есть у человека. И они, руки, еще предназначены, чтобы извлекать божественные звуки из музыкальных инструментов, создавать, строить, творить и делать многое другое, важное и интересное в жизни.

Глава 4

Взросление

Интимная жизнь – это прежде всего такие чувства, мысли и поступки, которыми ни с кем не хочется делиться и которые ни с кем не хочется обсуждать. Они бывают такие, что человек иногда не может признаться даже самому себе в том, что он так подумал и так поступил. Это сопровождает человека с детства и до самой старости. В детстве интимная жизнь находится в зачаточном состоянии. За ребенка часто думают и понуждают поступать так или иначе родители. В юности все начинает меняться. Ему приходится мыслить самостоятельно, совершать поступки, ощущать себя индивидом, сознавать свой пол и искать удовлетворения чувствам и полу. У него появляется жизнь, которая протекает незаметно для посторонних глаз. И лишь отдельные ее приметы проявляются так или иначе в привычках, наклонностях, некоторых чертах, облике и поступках.

Первый раз ощутимо я понял, что девочки, это что-то совсем другое, когда мой одноклассник Колька Еремин подошел ко мне с ошалелыми глазами и заявил, что он только что лапал Казанскую Надьку. Я спросил: «Как это?» И тот обалдевший от бешеной удачи мне рассказал, что он схватил ее за грудь. «Да у нее же ничего нет», – засомневался я. Хотя вылупленные до предела глаза Кольки говорили мне об обратном. «Нет?.. Это просто не видно...» – твердо и как настоящий знаток уверенно заявил Колька. «И что она тебе так просто дала ее лапать?» – спросил я, пытаюсь понять, как же все происходило. «Ха-ха, нет, конечно, – с превосходством говорил Колька. – Она дежурная по классу и не пускает никого за дверь. Я ее толкнул в грудь и... Ого-го!» Надя училась в старшем классе, жила с нами в одном доме и гуляла в нашем дворе. За ней скороспелкой уже вовсю приударяли старшие ребята. Мы поспешили с Колькой в класс, где дежурила Казанская. Тогда дежурные запирались в классе, подметали пол, мыли доску, поливали цветы, открывали окна для проветривания и никого до начала урока не впускали. Мы подошли к указанной Колькой двери и постучали. Дверь открыла Надька. За ее спиной мелькала еще какая-то девчонка. Как только я увидел круглое, полнощекое лицо, сразу сделал вид, что хочу войти в класс. «Что вам надо? – спросила Надя строго. – Уходите отсюда...» – велела она. «Не уйдем», – твердо сказал Колька, пролезая между ней и дверью в класс. Надька загородила собой проход и оттолкнула маленького безмерно ушастого и настырного Кольку от себя. В ответ я толкнул ее в грудь и вот тут испытал что-то совершенно новое. Никакой груди у Надьки под школьным сарафаном я не видел. На глаз не замечалось даже возвышенности. Но едва моя рука коснулась ее груди, я почувствовал такую телесную мягкость, которая открывала другой мир приятно влекущего и потрясающего. Несколько дней моя рука помнила эту мягкость и жаждала, чтобы испытать подобное вновь. Мне не с чем было сравнить испытанное ощущение ни тогда, ни после происшедшего. Надька от моего целенаправленного прикосновения покраснела, но не отступила. Подоспевшая девочка помогла ей вытолкнуть нас и закрыть перед нами дверь. Этот эпизод запал в мою душу и обострил внимание. Когда девочки на уроках физкультуры теперь снимали свои сарафаны я замечал у них на платьях бугорки и понимал, что это то самое мягкое, присущее только им. Позже по вечерам мы нарочно ходили с ребятами полапать девчонок в сумерках просто так или в каких-нибудь невинных играх. Зимой мы катались с ними с горок. Забирались наверх ледовой горы, прижимались к ним, брались руками за их талию и с особым шиком на ногах скатывались вниз. Иногда к обоюдному удовольствию мы вместе падали на лед. Мы старались падать так, чтобы удариться больнее самим, а их сберечь. Мы ходили с ними на каток и бегали на школьные вечеринки, чтобы потанцевать. Во время танцев можно было себе позволить легально обнять девушку. И это кружило нам головы.

В нашем доме жила Наташка, рыжая конопушистая девчонка. Полненькая, на год младше меня. Почему-то я к ней серьезно не относился и не брал особо в расчет. Однажды я катал ее на велосипеде, посадив на раму перед собой. Помню, как тогда меня это взволновало. Даже в маленькой в ней чувствовалось притягательное женское начало. Но она мне не нравилась из-за полноватой неуклюжести и веснушек по всему лицу. Когда девочка не нравится, с этим ничего нельзя поделать. И вот исполнилось ей тринадцать лет и с ней произошло что-то удивительное. В эти-то годы у нее вдруг появилась вполне, казалось бы, женская грудь. И бедра стали казаться не просто толстыми, а округлыми и привлекательными. И во всех ее движениях появилось что-то такое непонятное и настолько раздражительное, притягательное, что руки так сами и тянулись ее потрогать. И так ты ее раз потрогаешь, два. А она тебе при этом ничего не скажет, словно и не замечает. И тебе хочется уже чего-то большего. Вдруг она и на этот раз не заметит. Но подсознательно ты понимаешь, что она все замечает и чувствует. Только делает вид, что не заметила. И ты от этого смелеешь и уже в мыслях где-то совсем далеко. Но тебе мешают внутренние барьеры, сознание что при всех так поступать нельзя и можно только незаметно, чему не способствовали обстоятельства. Девочки, которые с ней дружили, неожиданно ее стали сторониться. И раздраженно принялись говорить, что они с ней теперь не дружат. И затем потихоньку, страшась, признались, что они не дружат с ней, потому что у нее идет кровь. И ты не знаешь, что же случилось с Наташкой. И что значат слова «идет кровь»? Но девочки считают, что это плохо. И ты по-мальчишески думаешь, что она чем-то больна, раз у нее идет кровь. Откуда идет кровь девочки конечно не говорили. И оказывается, что Наташка просто из девочки превратилась в девушку. Тогда же мнилась какая-то странная болезнь. Но потом девочкам родители или кто-то из старших все объяснили. Им открыли то, что с ними подобное произойдет в ближайшем будущем. И они снова начали дружить с Наташкой. И нам, ребятам, было не понятно, почему они снова начали дружить с Наташкой. Они нам этого уже не говорили и ничего не объясняли. Потому что у них появилась общая тайна. И мы некоторое время оставались в неведении и чурались Наташки. Глаза мне на все происходящее через год открыл Колька Поликарпов. Однажды он заявился ко мне домой и сообщил, что нашу рыжую Наташку лапает парень из соседнего дома. «Как это лапает? – удивился я. И с удивлением переспросил: – Нашу Наташку?» И Колька вздохнул мне все принялся рассказывать. Как и что он собственными глазами видел. Оказывается, этот парень Леша залез к ней в комнату через окно. Она его выталкивала обратно, а он снова лез, гоготал и хватал за все места. Когда мы подошли к окну, я увидел Лешу, примерно парня, с которым она училась в одном классе. Мы с Колькой его прогнали взащей прочь и пригрозили, что побьем. Тот красный и довольный ушел. Но, что удивительно, скоро вернулся. Мы с Колькой заговорили с Наташкой под окном и сами залезли к ней в комнату. Она говорила, что ей нужно делать уроки, что она не успевает. На что мы с Колькой сказали, что ей поможем. Она то училась хорошо, а мы с Колькой отчаянно плохо, хотя и на класс старше учились. Наташка манила к себе удивительной спелостью и прелестью созревания. Руки к ней так и тянулись к ней. Она покраснела, немного вспотела. И это нас только сильнее разволновало. Я брал Наташку за руки, за талию. И она ничего этого не замечала, как будто я ничего не делал, как это бывало прежде. Я понимал, что мне разрешают большее. Колька просто присутствовал, нервничал и мне не мешал. Я уговорил Наташку сесть за стол делать уроки. Сам сел на стул, но так, чтобы еще оставалось место передо мной для нее. Наташка уселась. Стула нам явно не хватило. Тогда я предложил ей сесть мне на колени. И она своими попой и бюстом придавила меня к сидению и спинке стула так, что я, кажется, с трудом дышал. Пришлось терпеть. Напрягаясь телом и стараясь не задохнуться под тяжестью Наташки, я предложил ей начать с математики, которой сам с трудом овладевал. Наташка взялась за учебник, а я взялся за ее грудь. Сзади сразу двумя руками. Ощущение возникло такое, что я спускаюсь с неба на двух парашютах. И в этой иллюзии спуска я потерял себя в пространстве и во времени. Она же не тронулась с места, как будто я вовсе ее не взял

за грудь. Грудь у Наташки обнаружили большие и в ранней спелости мягкие, упругие. И она оказалась плотной девочкой и совсем не толстой, как мне казалось. Ее тело прям из нее так и выпирало, как тесто из кастрюли. И я, так мне казалось, схватив ее руками за рано созревшую грудь, просто не давал ее телу разорваться от спелости и порвать эти кофточки и юбки, что она надевала на себя. Я балдел секунд пять, наслаждаясь состоянием, что вся мягкость мира находится у меня в руках. Занятие математикой мне начинало нравиться чрезвычайно. Единственное, что мешало моему нечаянному счастью, это то, что я оказался излишне придавлен к спинке стула и не мог нормально дышать и двигаться. В этот момент я чувствовал ее ягодички промежностью так сильно, что хотелось почувствовать их еще сильнее и как-то иначе. Все обещало такое интересное продолжение, что захватывало дух. И в это самое время прозвенели звонки в дверь. Два звонка. В коммунальных квартирах перед дверью обычно висела табличка, в какую квартиру сколько раз звонить. Напротив Наташкиной фамилии красовалась цифра «2». Наташка покраснела, испугалась и вздрогнула всем обширным телом. В нем пропала мягкость и появилась напряженность. «Уходите, – нервно сказала она. – Вы мешаете мне делать уроки...» Мы с Колькой сами перепугались не на шутку и махом выскочили в открытое окно. Убегать мы не собирались и только затаились под окном. Мы хорошо слышали, как Наташка пошла открывать дверь. И затем после отдаленных разговоров голос все того же одноклассника Леши сказал, что он забыл записать уроки. Наташка сказала ему, что уже дала ему записать заданное. Тот же, красный, смеясь, нагло утверждал, что потерял записанное. Наташка просила его уйти, но он не уходил. Возмущенные такой настырностью мы с Колькой ломанулись снова через окно к Наташке в комнату и взащей с оплеухами вытолкали наглеца в коридор. А тот все хохотал и сопротивлялся, словно дурак. Как будто мы его не били, а щекотали. Папа у него служил офицером и его сын считался весьма послушным, скромным мальчиком. Тут же его не страшили даже оплеухи. Наташка закрыла за ним дверь на ключ. От нее шла такая энергия и она находилась в таком не проходящем возбуждении, что я ничего не мог с собой поделаться, и прижал ее к себе. Ею целиком и полностью владело то, что я называю «чувственная бесчувственность». Это когда тебя трогают, а ты этого не ощущаешь, потому что тебе этого мало и хочется еще большего. Наташка села за стол делать уроки. При этом она усердно сопела. Но эта поза нами казалась уже пройденной. Колька стоял наготове, чтобы помочь мне, если она начнет сопротивляться. Но она не сопротивлялась и он, оставаясь не удел, переступал с ноги на ногу. Я гладил Наташу по плечам и по волосам. И попросил ее прерваться и встать. «Ну что?» – сказала она и поднялась со стула. «Пойдем, Наташ», – потянул я ее за руку. И она пошла за мной. Я подвел ее к дивану и здесь она слегка засопротивлялась. Но я обнял ее и посадил, дрожа от сильного волнения, на сидение. Едва она села, я сразу принялся ее укладывать. Но мне мешали ноги. И я, честно сказать, не знал, как поступить, чтобы ее ноги мне не мешали. Пришлось встать с дивана. Тогда она тоже попыталась привстать на ноги. Неловкость в движениях могла все испортить. Я сел рядом с ее ногами. Колька взялся за ее ноги и сказал: «Давай, я ее держу». Но он мог ее и не держать. Наташка не двигалась и ждала продолжения. Я положил руки на Наташкину кофточку и ощутил под кофточкой из тонкой шерсти шелковый лиф, по которому скользили шерстяные нити кофточки. И вдруг понял, что не знаю, что мне делать дальше. Целовать мне ее не хотелось. Я испытывал странное чувство, когда и приятно и как-то гадко. От себя, от противоположного пола и от того, что ты делаешь. Я очень часто испытывал тогда такое сочетание чувств и не мог найти объяснение, почему оно возникает. Вся моя нерасторопность заключалась в том, что Наташка мне все-таки не нравилась. Я оглянулся. Колька держал ее ноги. Точнее он довольствовался тем, что держал ее ноги и подавно не знал, что делать дальше. Он делал вид, что так сильно занят ее ногами, что больше ничего делать не может. Я представил то, что можно сделать. Под юбкой наверняка скрывалось еще много-много всего интересного и привлекательного. Но там же находилось большое, пахнущее потом Наташкино тело. Там на интимном месте росли рыжие волоски, которые я видел у нее

под мышками. И с одной стороны мне хотелось разведать подробности. С другой стороны ее тело меня сколько же привлекало столько и отталкивало. Мне точно не хотелось больше ничего делать. И главное я не знал, что могу сделать в деталях и как. К тому же за спиной, как гвоздь в стуле, торчал Колька. Я не хотел делать то, что приходило мне в голову при ком-то. Пропадало главное, что очень важно в такие моменты между двумя – это интимность. Если вас трое, то это что-то другое. Я не уверен, что если бы остался один, то интимность появилась. В это время кто-то снова позвонил в дверь, и мы с Колькой выпорхнули в открытое окно, как птички. На этот раз пришел кто-то из взрослых. «Ну что же ты ее не ...?» Здесь Колька употребил слово, которое мы в юности часто употребляли между собой с мальчишеской бравадой. «А ты?» – спросил я его. «Я ей ноги держал», – с дрожью в голосе, нервно и деловито сказал Колька. Причина мне показалась не слишком уважительной. Соседи рассказали о хороводах мальчиков Наташкиным родителям, и те ее отругали, устроив хорошую взбучку. После разъяснений с ремнем Наташка стала почти недотрогой.

Позже я часто испытывал смешанное чувство, когда одновременно и приятно, и гадко. Это смешанное чувство проходило после принятия некоторого количества алкоголя. Его природа заключалась в том, что животные инстинкты боролись с моралью и высоким чувством влечения к прекрасному, эталоны которого мы черпали из книг и кино. Мы были еще слишком юные и все равно хотели не простые поцелуйчики, а поцелуи всей полостью рта, которые являлись не только прелюдией настоящих взрослых отношений, но и на самом деле выражением их сути. Хотя о взрослых отношениях мы больше догадывались, чем знали. Однажды к нам подошел маленький Костик Фирсов и с расширенными страхом глазами рассказывал, как он проснулся ночью оттого, что отец, причиняя матери боль, дергался на ней, корчился, отчего мать под одеялом стонала. Костик долго потом обижался на отца за причинение боли матери. И на мать за то, что она не звала на помощь. Мы, ребята постарше, ему пытались объяснить, что в таких случаях на помощь не зовут. Он нас не слушал. Через год, когда у него появился братик, он просветлел, все понял и простил мать и отца.

Наступало лето и я, как всегда, собирался в пионерский лагерь. Меня ждали старые и новые друзья, знакомства и встречи. Я еще не знал, что это лето, не смотря на то, что все равно будет счастливым, омрачится происшествием, которое оказало на меня сильное воздействие. Я надеялся, что встречу новых друзей и жил предвкушением, что встречу новых девушек, с одной из которых у меня может что-то начаться. Почему-то я все время надеялся, что встречу девочку, которая мне понравится и с которой у меня начнутся любовные отношения. В последние годы мы дружили с девочками, назначали им свидания, гуляли, сидели вместе в кино в открытых зеленых театрах. Мы писали друг другу записочки, играли в почту. И мне иногда писали такие записки, от которых я краснел и не знал, что мне делать и как поступить. Теперь я стал юношей и знал, как мне следует поступать.

В это у нас появилось новое интересное развлечение. Вовка Никонов привез в пионерский лагерь игру «Телефон». Она мало чем отличалась от настоящих телефонов с телефонной линией. Имелись две телефонные трубки, коробочка с электрической батареей и длинный, метров пятнадцать, провод. Как-то раз мы незаметно для вожатых протянули эти провода по улице под окнами из палаты парней в палату девушек. Одну трубку подключили к проводам в палате у девушек, другую в палате у парней. Таким образом, у нас появилась своя телефонная линия. Сначала мы говорили с девчатами в тихий час. Каждый подзывал к трубке, кого хотел и общался. Нам показалось этого мало. И мы стали разговаривать с девочками по ночам. Спасать совсем не хотелось. К тому же ночь какое-то особенно откровенное время суток, когда стираются всякие границы дозволенного и недозволенного. Нас соединяли провода и токи, которые бежали по проводам, воспроизводя в телефонных трубках наши голоса. В руках у нас горели электрические фонарики. Мы спрашивали, что они делают. И они нам сказали, что гадают друг

другу на картах. Лучшего времени для всяких таинств и гаданий нельзя, казалось, придумать. И мы попросили их нам погадать. Желающий чтобы ему погадали, брал телефонную трубку. И ему говорили, что ему выпала шестерка и это означает длинную дорогу. И говорили что-то еще. Гадание по телефону плохо усваивалось. Мы ничего не понимали. И тогда девчонки пригласили нас к себе. И мы, закутавшись простынями, пошли тихонько в их палату. Гадание на картах нам понравилось. Потом о простынях мы забыли и в майках и трусах сидели на их кроватях, рассказывали друг другу страшные и смешные истории. Девчонки лежали перед нами в ночных рубашках, прикрывшись не полностью одеялами, и в этом столько чувствовалось доверия, что мы хмелели только от этого. На следующую ночь после телефонных разговоров теперь уже девчонки те, что посмелее, пришли к нам в палату. Мы снова доверительно с ними болтали. Так продолжалось несколько ночей, пока в палату к девочкам, не ворвались пионервожатые. Мы услышали их голоса из палаты мальчиков. Не найдя в постелях несколько человек, они отправились в палату девочек. В это время нас человек пять уже разобрали по кроватям девчонки. Они нас спасали, прятали от пришедших. Мы лежали под одеялами, прижавшись к ним телами. Пионервожатые оказались в шоке, обнаружив в кроватях у девочек еще и мальчиков. Поднялся шум. Девчонок хотели отправить на экспертизу. Особенно на этом настаивала необычайно щепетильная медсестра, которая к своим сорока годам так и не распрощалась, похоже, с девственностью. Нам она представлялась просто старой девой. Она настаивала на экспертизе так, как будто преследовала какой-то свой патологический интерес. Девчонки категорически отказались с ней даже общаться на эту тему. У нас отняли телефон и запретили ночные похождения. Едва все словопрения по этому случаю стихли, как наши девчонки снова напугали вожатых. Они как обычно наряжались для танцев, но на этот раз нарядились так густо, что вожатые пришли в ужас. Девчонкам очень хотелось выглядеть взрослее и губная помада, румяна и тушь легли на их лица с явным перебором. Они отдаленно напоминали накрашенных гейш. На танцы их не пустили, отругали и заставили идти умываться. Такого унижения девчонки не хотели прощать. Тогда мы все устроили танцам бойкот и пошли гулять по территории лагеря. Мы играли в разные игры и занимались ухаживаниями. Вечерами мы играли с ними в футбол или в волейбол. У девчонок появилась новая забава. Они подкрадывались к какому-нибудь зазевавшемуся парню и ради смеха сдергивали с него штаны иногда даже с трусами. Все началось с того, что в футбол мы их стали обыгрывать. Тогда они придумали, как им у футболистов отнимать мяч. Они просто бежали не за мячом, а за парнем, который этот мяч вел к их воротам. Они догоняли его и сдергивали с него трусы. Пока он хватался за трусы и натягивал их на плавки, девчонки бежали с мячом к нашим воротам и забивали голы. Из двух зол пропускать голы или бегать без трусов мы выбирали первое. Однажды после игры в волейбол ко мне подошла Ленка Гусева и, сильно краснея, сказала, что ей нужно со мной поговорить. Мы отошли в сторонку. Ленка была сантиметров на семь выше меня и на год старше. Ее зрелые формы и необыкновенная статность не давали покоя не только мне но и другим ребятам. Когда мы стали друг против друга, то богатая грудь Ленки так натянула в мою сторону тонкую тенниску, что у меня в голове отчаянно помутилось. Мысленно я уже погладил все, что только в ней поспело и выглядело выдающимся, и вполне осознал, к чему в восхищении можно приложить руки. Но Ленка немного заикаясь от волнения, сказала, что со мной хочет дружить Рая Замечник. Я давно заметил, как эта девочка смотрела на меня слишком откровенным, любующимся взглядом. Ленкины формы от меня уплывали. Мне хотелось сказать: «Почему с ней, а не с тобой?» Но у нас так было принято. Если девчонка другого парня, то на нее больше никто не мог смотреть и претендовать. И если парень нравится твоей подруге, и она тебе об этом рассказала, то дорогу ей перебежать нельзя. Таковыми являлись святые правила нашей юности. И я стал дружить с Раей. Через несколько дней мы отправлялись в поход. Медсестра, эта старая дева, выступала категорически против похода. Мол, они и так в палаты друг к другу бегают, а в лесу и в платках за ними вообще уследить будет нельзя. Чего

ей, как видно, необыкновенно хотелось. Но пионервожатые, все молодые ребята и девушки, сами хотели пойти в леса. В нашем отряде пионервожатого звали Игорем. В свои восемнадцать лет он имел разряд по боксу и вел себя с нами по-свойски, дружески. Скоро мы шли по красивейшим местам Рузы, через поля, холмы и леса. Спустя несколько дней пришли к озеру и разбили на его берегу лагерь. Все ребята рассчитывали на какую-то волю и самостоятельное общение с природой. Так оно и произошло. Вожатые за нами уже не следили. Мы купались, гуляли по лесу. Рая казалась мне молчаливой и застенчивой девушкой. Но не зря говорят в народе: «В тихом омуте черти водятся». Друзья передавали мне, что Рая дает всем отпор и даже не позволяет до себя дотронуться. Кого-то она оцарапала, кого-то тихонько отпихнула. В первый день похода на ночь в палатках собирали мальчиков отдельно и девочек отдельно. Во второй день похода и особенно в последнюю ночь за этим никто не следил. И я решился. Пробрался в палатку к девочкам, понимая, что позволю себе сегодня все, что захочу, и что мне будет позволено. В темноте позвал ее. Она откликнулась и я пробрался к ней и лег рядом. Некоторое время лежал, затаившись и ждал удобного момента. В это время в палатку кто-то входил, кто-то выходил. Остальные только притворялись спящими. На самом деле шла своя тихая жизнь и, казалось, руки жили этой своей отдельной жизнью. Я точно знал, что сегодня это произойдет и от этого сильно волновался. Выбрав момент, повернулся поудобнее к Рае и тихо положил руку ей на грудь. Она молчала. Я прочитал это, как полное согласие. Ее маленькая грудь приняла мою руку, как должное. Я чувствовал горошину под пальцами и мне открывались новые миры. Хотелось неведомого и большего. Я невесомо поднял руку и двинул по воздуху в нужном направлении, к неведомому, откуда к руке шел жар. И как только я положил руку на это место, то вдруг отдернул как от ожога. Замер, пытаюсь понять, что же произошло. И все никак не мог понять и все себе объяснить. Едва я положил руку Рае на место полного доверия, как понял, что там уже лежит чья-то рука. И по тому, что это рука оказалась шершавой и лежала по хозяйски, я понял, что это чья-то чужая рука. Мало того я даже понял, чья это рука, но не мог себе некоторое время в этом признаться. Это была рука нашего вожатого Игоря. Шершавая, крепкая. Как раз несколько минут до этого я слышал, как он с шуточкой вошел в палатку и улегся с другой стороны от Раи. Еще прежде, когда я шел к палатке девушек, я слышал как из соседней палатки раздавался голос медсестры: «Ну, отстань, Игорь. Что ты делаешь?..» Она говорила эти слова и при этом мерзко хихикала. Потом вдруг она завопила с раздражением, испугом и злостью: «Совсем что ли ошалел? Черт, проклятый! Пошел вон отсюда... Уходи, уходи...» Как только я понял, чья это рука, то холод прошелся по всему моему телу. Я еще некоторое время лежал и приходил в себя. Потом поднялся и вышел из палатки. Обида душила меня, брала за горло. Я сидел на берегу озера и думал. Мне в спину был воткнут нож. Я его чувствовал физически. «Она не могла не знать, что это его рука. И она ничего ему не сказала. Не возражала... Не попросила у меня защиты. Значит, она сама этого хотела...» Мысли кружил мне голову, глаза увлажнились, но на это я только по мужски сплевывал в траву. Меня нашел Митька Дмитриев и сказал, что меня ищет Рая. Я ему ничего не ответил. Он сказал мне, что она хочет со мной поговорить. Я молчал и ничего не говорил. Только продолжал сплевывать в траву. Мне ничего не хотелось говорить. И я не хотел, чтобы происшедшее стало достоянием всех. Позже, когда пережил случившееся и мне стало отчего-то легко, ко мне подходили девочки и просили за Раю. Они уговаривали меня, чтобы я с ней поговорил, рассказывали, что она страдает. Но меня это совсем уже как-то не трогало. Они просили мне рассказать, что же произошло. Я отмалчивался. Позже Рая, похоже, что-то все-таки рассказала подругам. Но, наверно, не всем. Потому что ребята и девочки подходили ко мне и просили меня, ее простить. По дороге домой после смены ко мне в автобусе снова подсел посланец девчат Митя Дмитриев и сказал, что Рая просит у меня прощение. «Она не могла поступить иначе», – передавал он мне чьи-то слова. «Как иначе?» – поинтересовался я. Мне хотелось узнать, что ему известно. Митя ничего не ответил, потому что ничего не знал. Его не

посветили в происшедшее. Тогда он снова сказал, что Рая страдает и ее нужно простить. «Ты простишь ее? Простишь?» – все спрашивал он, надеясь, что ему удастся выполнить возложенную на него миссию примирения. Я ему так ничего и не ответил. Только отрицательно мотнул головой, когда он слишком ко мне стал приставать. И все.

Так получилось, что почти все парни жили в моем дворе, а девчонки жили где-то в другом месте. И они приезжали к нам во двор. Приезжала и Рая. Она смотрела на меня издали, грустно и безнадежно. Я нарочно отошел от их компании, чтобы с ней не встречаться. Не скажу, что она мне нравилась. Мы все тогда больше играли в любовь, искали какие-то возможности, хотели себя проверить. Скорее всего, тогда простое любопытство двигало мной. И потом в возрасте четырнадцать-пятнадцать лет хорошо и прилично иметь девочку в друзьях, чтобы получить какой-то первый невинный опыт. И первый невинный опыт, первый урок, на который совсем не рассчитывал, я получил от Раи. Я понял, что к этому в жизни должен быть готов. Но беда заключается в том, что к этому нельзя быть готовым. И поэтому оставалось только преодолевать неприятности и жить с этим. В те годы каждое подобное событие делало тебя взрослее.

Глава 5

Романтика и измененность

В начале осени я увидел такую картину, которая меня и развлекала и заинтересовала. Мать, которая давно жила без отца управляла соседом дядей Володей. Дядя Володя был братом дяди Миши, который с тетей Валею и Генкой и Серегой уехали на другую квартиру. Ему было лет тридцать пять. Лысоватый с картофелиной вместо носа, невысокого роста, скромный и с добродушными маленькими глазками на простом лице.

– Вов, посмотри, что там в ванной на жалюзи. Что-то чернеет.

Дядя Володя поставил стул на скамейку и полез смотреть жалюзи.

Я сразу понял о чем идет речь и стал смотреть за происходящим. К этому времени я давно бросил подглядывать за купальщицами, потому что мне это было не интересно.

– Ничего здесь нет.

– А что там черное?

– Дырочка.

– Откуда она взялась?

– Не знаю.

– Ты со стороны туалета посмотри. Что там за дырка?

Дядя Володя взял табуретку, пошел в туалет. Поставил табуретку, сверху поставил стул и полез.

– Что там?

– Дырка... Чем-то замазана... Замазка или пластилин.

– Откуда она взялась?

– Не знаю.

– Может, ее закрасить?

– Можно и закрасить. Только она и так замазана.

Я подумал, что мать так тщательно его заставляет обследовать дырочку в жалюзи, потому что думает, что это он через нее подглядывает.

Через неделю случился еще один казус. Я собрался пойти в туалет. А тетя Лена налила ванну, чтобы помыться. И, когда я шел в туалет, у меня мелькнула мысль: «Может быть посмотреть на нее в последний раз?» Но я отбросил эту идею, потому что мне это на самом деле надоело. Я зашел в туалет и услышал, как хлопнула дверь в ванную комнату. Я сделал свое дело то есть сходил по маленькой нужде, вышел из туалета и увидел, как тетя Лена встала на цыпочки и заглядывает в окно туалета, надеясь там что-то увидеть.

– Что там? – спросил я ее, старательно заглядывающую через окно в туалетную комнату в сторону жалюзи.

– Ничего, – сказала она, покраснев и пошла мыться.

Похоже, она поняла, что это за дырочка и решила удостовериться в своей догадке, хлопнув дверью в ванную комнату и тихо выйдя на кухню, чтобы увидеть, как я подглядываю через жалюзи.

Я тоже все понял и чуть не рассмеялся.

Прошло некоторое время и дядя Володя, очень скромный мужчина, неожиданно загулял и начал водить к себе женщин. Мать делала ему внушения. Дядя Володя скромно молчал и снова приводил женщину.

Однажды мы играли с ребятами в прятки, и я нашел классное место для игры. Мы жили на первом этаже. И парень, который водил, стоял у стенки у моего окна. Он отворачивался к стене, не подглядывая за теми, кто прятался, считал до десяти и затем добавлял:

– Раз, два три, четыре пять... Я иду искать. Пора – не пора, иду со двора. Кто не спрятался, я не виноват.

К этому времени все должны были спрятаться и он шел всех искать. Как раз напротив нашей комнаты через дорогу за невысоким штакетником стояло дерево, изогнутое в сторону дороги с развилкой на высоте двух метров, очень удобной для сидения. Когда водящий повернулся к стене и начал считать, все разбежались, кто куда прятаться. Я же просто отошел от него на пять шагов назад, потихоньку забрался на дерево и уселся на развилке. Можно сказать, я спрятался под самым носом у водящего. Тот бегал кого-то искал, возвращался к стене и стучал по ней, если кого-то находил. Я же сидел себе на дереве, смотрел на тех, кто подо мной суетился, потешался, и мне хотелось над ними всеми громко смеяться. И вот в этот момент я увидел в квартире у дяди Володе, нашего соседа, женщину. Занавесок на окне не было. Так небольшие пожелтевшие тряпочки на пол окна. В комнате у дяди Володи кроме кровати ничего в общем-то и не стояло. Но ничего другого кроме кровати им и не требовалось. Женщина сверкала белизной голого тела. Ее черный чубчик треугольной формы под самым пахом виднелся отчетливо. Скромняга дядя Володя по деловому положил женщину на кровать. Красный от волнения он сел рядом и, сосредоточенно склонившись, взялся руками за обе груди. Затем он несколько раз надавил на груди, словно проверял их на упругость, мягкость и крепость. Воистину во время интимной близости характер человека проявляется полностью. Я в этом убедился, когда увидел, как все проделывал мой сосед. Он не гладил женщину, не ласкал, а просто пробовал, как пробуют мягкую мебель, матрас или, точнее, спортивный снаряд. Отчасти это происходило из-за неопытности. Отчасти из-за собственной застенчивости. Мне это напомнило, как он перед тем, как начать отжиматься от стула по утрам, пробовал его на прочность. Он делал это также сосредоточенно, как и сейчас пробовал женщину. Затем он быстро встал с кровати, снял трусы и лег на женщину. Никаких поцелуев я не увидел. Его зад то поднимался, то опускался. Он накрылся одеялом и то же самое стало происходить с одеялом. Оно то поднималось, то опускалось. После того, как у него все получилось дядя Володя поднялся, надел трусы, сел по-деловому у кровати и закурил. Женщина так и осталась лежать на простынях, раскинув ноги и руки. Вот так своими глазами я увидел это первый раз. Покурив, дядя Володя снова подошел к постели с лежащей женщиной, теперь уже точно, как к спортивному снаряду. Он повторил все еще раз, но движения его стали, казалось, увереннее и четче. Зрелище меня не только захватило, но еще и изрядно повеселило. Дядя Володя был все-таки немножко смешной. Я его часто вспоминаю как очень доброго человека, необидчивого и до предела честного. В это время внизу ребята меня обыскались. Уже несколько раз начиналась новая игра, сменялись водящие, а я все сидел на дереве и смотрел в окно дяди Володи. Потом я слез. В прятки мне уже играть не хотелось. Меня стали спрашивать, где я был и что делал. Я от них отмахнулся и поспешил к своему другу Юрке Корытину, чтобы поделиться впечатлением от увиденного. То дерево так и стало моим любимым местом. Не из-за того, что я с него мог подглядывать. А из-за того, что мог оставаться подолгу незамеченным, находясь среди других. Подо мной ходили люди, знакомые мне и незнакомые. Я находился среди них, слышал, как они разговаривали. Они же меня не видели.

С появлением у дяди Володи этой женщины жизнь в нашей квартире потеряла свой спокойный и привлекательный порядок. Женщина оказалась распутной. Возможно, она рассчитывала выйти за дядю Володю замуж, что в его планы не входило. Он по-прежнему приводил женщину к себе в комнату. Каждый раз она напивалась, начинала скандалить, выяснять отношения и плакать. Она так изошренно ругалась матом и таким хриловатым низким голосом, что мне казалось, что я пытаюсь заснуть в кабаке. Дядю Володю по-соседски увещевали,

говорили, что нужно найти другую женщину. Но он некоторое время еще водил пьяницу и матершинницу к себе домой. Кончилось все довольно неожиданно. Дядя Володя на некоторое время куда-то пропал. Потом появился тихий и степенный. Скоро после его появления нам позвонили по телефону. И доброжелательный голос работницы кожно-венерического диспансера сообщил, что у дяди Володе сифилис. В квартире разгорелся жуткий скандал. Дядя Володя оправдывался, говорил, что он незаразный. Ему, конечно, не верили. Через некоторое время он подлечился и снова стал водить женщин домой теперь уже с детьми. Женился он на прожженной худящей бабенке, малорослой, отчаянной матершиннице и выпивохе. Вскоре развелся и женился на приличной женщине с ребенком, которая и родила ему девочку, такую же курносую с маленькими добрыми глазками.

В восьмом класс Мишка Урбанович показал нам высоту чувства, которая всех восхитила. Он нам открыл романтику, как явление, и указал путь в романтичность.

К этому времени наши девчонки изменились. У них округлилась грудь, изменилась походка и появилась какая-то загадка. И вот эту загадку мне с друзьями хотелось разгадать.

Наша школа располагалась на Верхней Масловке. Рядом в высоком доме жили военные из академии Жуковского и художники, обладавшими просторными мастерскими недалеко от школы. И к нам на урок иногда приходили настоящие художники. Их приводила к нам на уроки учительница рисования, пышная и искушенная в живописи женщина. В начале восьмого класса пошла слухи, что один пришедший к нам маститый художник, увидев нашу одноклассницу Милку, захотел ее написать голой. Так она его сильно вдохновила. Возможно, он хотел написать свою девочку с персиками или что-то такое. Мама Милки не разрешила ей позировать и на этом все закончилось. Милка действительно была хороша, белокожа, румяна синь-ока и другие симпатичные девушки сплотились вокруг нее. В середине восьмого класса нас всех повлекла какая-то необыкновенная романтика. Мы к этому все были готовы. Особенно в нашем классе началось брожение, когда Мишка Урбанович, сын военного, сделал нечто загадочное и неизвестное. В глазах девчонок он неожиданно вырос несказанно и стал просто каким-то героем из сказки или романа. Мы не понимали в чем дело. Вроде обычный парень, но вдруг наши девушки начали молчаливо поглядывать на него с восхищением. Мы спрашивали Мишку, что он такого сделал. Тот ничего нам не отвечал и носил в себе эту тайну. Каждому из нас хотелось, что бы и на него девушки смотрели точно также. Все открылось чуть позже, когда наши девушки не выдержали и все рассказали нас. Оказывается Мишка Урбанович каждый день в одно и то же время вечером залезал на крышу своего дома офицеров, самого высокого среди наших домов и издали на фоне темного неба махал рукой, а в ночи мигал фонариком в окошко Милке. Многие из наших девчонок жили в высотном доме офицеров у Петровского парка или неподалеку. В то время двенадцатиэтажный дом офицеров с двумя башнями среди пятиэтажек казался высотным зданием. Вот на крышу башни, этой самой высотки и забирался Мишка. Поражала верность и преданность, с которой Мишка ровно в девять часов вечера в любую погоду будь то дождь или ветер забирался на крышу и махал оттуда рукой или семафорил в темноте фонариком. Милка сначала не знала, что это Мишка ей машет. Увидев как-то парня на крыше башни высотки, она вдруг поняла, что он машет именно ей. Она тоже ему помахала. Потом это стало повторяться каждый вечер. Затем Мишка написал ей письмо, где признавался в любви. Из письма Милка узнала, что это он Мишка машет ей каждый вечер. И Мишка стал ее героем. А затем и героем всех девчат, потому что Милка не выдержала и в восхищении рассказала подругам. Нам тоже захотелось махать Милке с крыши. Мы тоже хотели стать героями и попросили Мишку показать нам путь на крышу башни. Сначала нам пришлось лезть на чердак, затем через люк вылезать на крышу десятого этажа. И потом по внешней, пожарной металлической лестнице на крышу башни. Через несколько дней уже десяток парней стояли на известном месте и махали Милке. Мы махали ей. Она махала нам. Так мы

все стали героями, потеснив с пьедестала Мишку Урбановича. И еще через некоторое время мы уже вместе с нашими девчонками лазили на чердак и оттуда по лестнице на крышу самой высокой башни. Так мы подружились с ними. Вместе гуляли, играли в футбол. Часто проводили время в Петровском парке, сидели на скамейках и философствовали о дружбе, верности и о чем-то еще высоком и красивом. Кто-то снова залезал на крышу высотки и оттуда махал сидевшим в парке. В начале восьмого класса произошло еще одно событие, которое на меня сильно повлияло. Наш учитель русского языка и литературы Лев Иосифович Каплан человек энергичный, незаурядный, эрудированный и фонтанирующий знаниями своего предмета, устроил нам экскурсию в «Музей А. С. Пушкина». Мы как проходили поэму «Евгений Онегин». Первую группу в музей повел он сам. Вторую по его просьбе повела деятельная общественница, мама Лены Кальченко. Я по счастью попал во вторую группу. Мы поехали на метро. Вышли на «Кропоткинской» и оказались возле бассейна «Москва». От чаши с водой этого грандиозного сооружения круглый год поднимался пар и обоняние раздражал сильный запах хлорки. От выхода из метро хорошо просматривался Кремль и чаша с водой, вы которой плескались пловцы. Когда мы небольшой группой вышли из метро, эта культурная и образованная дама увидела перед собой огромный музей, в названии которого присутствовало наименование «Пушкина». И она повела нас, конечно, туда. Деятельная мама показала билетерам бумажку от районного отдела образования с разрешением на бесплатную экскурсию. Те позвали старшую служащую и она сказала, что экскурсоводов сейчас нет и единственно, что сотрудники музея могут сделать, это пустить детей в музей, чтобы они сами все посмотрели. Так мы попали в «Музей Изобразительных Искусств имени А. С. Пушкина». Я ходил по залам с открытыми ртом и глазами. Видел обнаженных женщин и мужчин. При чем здесь Пушкин я не понимал. Но с первых минут уже перестал думать об этом. Картины меня потрясали. Под ногами у нас лежали какие-то толстые обрезиненные черные кабели, которые тянулись к телевизионным камерам. Тогда я первый раз увидел телекамеру. Я видел, как дядя смотрел в телекамеру и у него изображение на экране отображалось в перевернутом виде. Кто-то из нас заходил и становился перед камерой и другие на него смотрели, сильно наклоняя и переворачивая головы. Но телевидение нас интересовало меньше, чем картины. Во всяком случае, меня. Я видел первый раз картины Ренуара, Ван Гога, Поля Гогена. Я еще ничего тогда не знал об импрессионистах. Особенно меня покорили скульптуры Родена «Любовь» и «Весна». Тогда я, кажется, что-то понял о высокой любви. И кажется, во мне проснулся интерес к живописи. На следующий день мы рассказали Льву Иосифовичу, в какой музей ходили и что видели. Он сильно удивился, сказав, что мы ходили не в «Музей А. С.Пушкина», а в «Музей Изобразительных Искусств им А. С. Пушкина». Нас послали в «Музей А. С. Пушкина», а мы попали в «Музей Изобразительных Искусств имени Пушкина» Потом учитель по литературе Лев Иосифович Каплан спросил нас: «Как же вы попали в Музей Изобразительных Искусств? Это же сейчас самое модное место... Повезло», – добавил он и снова нас с бумагой от школы отправил в музей А.С Пушкина. В том музее мне понравилось меньше. Я благодарен судьбе, что тогда попал в музей с работами великих рисовальщиков, живописцев и приобщился к прекрасному искусству. Но прекрасное всегда уживается с отвратительным и гадким. А хорошее не живет вечно. Наши отношения в классе испортились. Какое-то время мы еще дружили с нашими девушками. Они увлекались тогда романом Дюма «Три мушкетера» и они распределяли между нами роли из книги «Атос, Портос, Арамис, Дартаньян, Ришелье, Миледи» и это их вдохновляло на романтические отношения. Но скоро все прошло. Кто-то кого-то любил, кто-то переживал, что его не любят. Кто-то кого-то оскорбил и тот на него обиделся. Романтика кончилась, а в таком бескомпромиссном возрасте никогда нельзя понять кто прав, кто виноват. На этом кончилась наша эра романтики, почтения к высокой чести и высокому достоинству. Мы стали с ребятами выпивать. Приходили к Вовке Герасимову, выпивали у него по кружке браги, которую ставила его мама для своего любовника, и хмельные шли гулять. Конечно, в кастрюлю с бродившей

жижей мы вместо выпитого доливали воды. Иногда Толик Семченко тырил у родителей из дома самогон. Если ничего дарового нам не доставалось, приходилось скидываться на вино. Часто случалось, что мы такие развеселые заявлялись к нашим девушкам из класса. Не сразу ко всем, а по одной. Шли в гости сначала к одной, потом к другой. Придем и начинаем просить прощение и в любви объясняться. Или придем и не вовремя. У нее дома соседи или бабушка. Мы говорим, что пришли узнать домашнее задание. И пока она ходит за дневником, мы потешаемся. Она придет, начинает нам диктовать из дневника задание, а мы говорим, что бумажку записать не взяли. Принесут бумажку. Мы говорим, что ручку не взяли. И девочку тихонько так ручками трогаем, гладим, будто невзначай. И так куролесим пока уже и сказать нечего. Пьяное дело в юности и счастливое и доброе, если намерения хорошие. Иной раз подвыпившие придем и начинаем в любви объясняться. Вдруг ни с того, ни с сего. Кто-то из нас говорит: «Люд, знаешь, я ведь тебе давно хотел сказать». Она удивляется, не понимает что происходит. И тогда ей кто-то говорит: «Я тебя люблю...» Она краской заливается. И тут уже другой говорит: «И я тоже...» Потом мы начинаем спорить, кто сильнее ее любит. Мы даже пытаемся ее обнять, поцеловать в щечку. В общем, дурачимся как можем. Но то что мы говорим это и не совсем ложь. Алкоголь это удивительный прекрасный и преужасный деформатор отношений. Ты словно перемещаешься в какое-то иное пространство. И там действительно всех любишь. Но стоит выпить чуть больше и ты уже весь – в искажении личности: пошляк, задира, хулиган. Утром проснешься и вспоминаешь, думаешь: «Боже мой! Что я говорил? Что я делал?» И стыдно становится. Но не долго. Жизнь молодая кипит, требует новых приключений и новизны эмоций.

В конце восьмого класса я уже старался сам решать задачи. Меня злило, что я не могу решить все задания по математике и по физике. Я тужился сделать их сам. И когда у меня что-то получалось, я радовался несказанно. Я, конечно, занимался набегам, как кочевник. В остальное время – поиски приключений. Улица меня манила все сильнее и сильнее. В то время каждый из нас стремился стать первым хоть в чем-то. Кто-то был сильнее, кто-то ловчее. Кто-то удивлял бесстрашностью. Мы состязались в бесстрашности. И, если раньше это было по-детски, то потом это становилось иным.

Самой складной фигурой и приличной грудью, больше чем у других, обладала Маринка Сидельникова. Если с грудью она опережала всех девочек, то в учебе ото всех отставала. И она мне вдруг предложила позаниматься с ней по математике. Меня это очень удивило, потому что я сам не слишком хорошо учился. По крайней мере шестой и седьмой классы я учился кое-как. Прибегал со школы, доставал из портфеля учебники, раскладывал их на столе, создавая учебную обстановку и создавал видимость, что пообедал. Я выливал из кастрюли с супом ровно два половника в туалет. Ровно столько мне велела кушать мама. Вечером она проверяла по жировым отметкам на кастрюле, сколько я съел. Далее съедал на ходу котлету и бежал во двор к друзьям играть в футбол или другие игры. Вечером после игр бежал к отличникам списывать домашнее задание. Жизнь проходила интересно и бурно. Главное, я никак не мог себе объяснить, зачем мне нужны логарифмы, синусы и косинусы. На другой день я хватал свои тройки и был вполне счастлив. После седьмого класса мне, как отстающему, задали на все лето решить сто задач и сто примеров, которые я в начале отнес своему другу Юрке Корытину, который решил их за несколько часов. И потом мы с ним все лето развлекались, изготавливая ружья, которые стреляли алюминиевыми пулями. И тут Маринка мне предлагает позаниматься с ней математикой. Глядя на ее выдающуюся грудь и испытывая при этом чувство низменного влечения и легкой гадливости, отказался под предлогом, что сильно занят делами во дворе. И, конечно, вскоре об этом пожалел, потому что грудь Маринкина все маячила передо мной в фантазиях. Когда я через месяц предложил ей позаниматься она отказалась, потому

что к этому времени у нее появился парень из ее двора. Мы с Толей Семченко стали расспрашивать что это за парень и за что она его полюбила. На что она ответила: «Знаете, как он дерется ногами?» Толя Семченко говорит: «Пойдем, побьем его парня». Наверное, он имел на Маринку какие-то виды. Но я отказался, потому что не зачем мешать тем, у кого все хорошо. Маринка ходила счастливая. Сразу после школы она вышла замуж за своего парня. И скоро я узнал, что муж ее бьет. Маринку несколько раз видели с синяками. И я подумал: «За что полюбила, за то и получила».

В восьмом классе весной я в школе показал Гере на белое пятно на брюках. «Смотри, в чем это брюки у тебя испачканы?» – «Черт», – выругался он и, покраснев, стал оттирать пятно. Плевал на пальцы и потом старательно оттирал испачканное место чуть ниже ширинки. По дороге домой мы разговорились. И Вовка Герасимов рассказывал мне, как они с Игорем Корсаковым и Лешкой Кочетковым начали ходить к Люське Зайцевой и с ней развлекаться, если говорить по-взрослому, то жить. Он мне подробно рассказывал, как это у них началось. Сначала Лешка Кочетков ходил к ней. Потом пришел с друзьями и началось. Как они приходят к ней втроем или вчетвером, разговаривают или просто сидят и молчат. Потом она выбирает кого-нибудь из них и идет с ним в другую комнату. Остальные сидят, ждут своей очереди и ревнуют. Иногда они разыгрывают ссору из-за нее. Люська жила понемножку со всеми и никому не отказывала. Клан ребят около нее менялся и все время увеличивался. Одни уходили, другие прознавшие о ее щедром даре «давать», приходили. Она часто раньше появлялась в моем дворе. Она приходила с девушками облегченного поведения. Я знал ее и когда встречал, одаривал презрительным взглядом. «Как ощущение?» – спросил я у Вовки, выслушав, как они живут все вместе с одной. Вовка задумался. «Как тебе сказать, – произнес он. – Как будто в пустую бочку». – «Совсем в пустую?» – переспросил я его разочарованно. «Ну не совсем», – ответил он. Я не понимал, почему Вовка рассказывал мне о своих делах без энтузиазма, с какой-то серьезностью и отстраненной грустью и подавленностью. «Вы что к ней сразу все приходите?» – спрашивал удивленно я. «Да, иногда она занята другими. Тогда мы уходим. Или кто-то из старших ребят приведет к ней своего друга и просит. «Понимаете, ребят, ему очень нужно. Вы-то все время здесь. А он на побывку приехал из армии...» Я понял тогда, что происходящее с ним его гнетет и томит. Мы все тогда хотели скорее повзрослеть. Только не знали, как это сделать быстро и правильно.

Однажды в конце школы я сильно напился с друзьями. Гуляли, бродили по улицам. Затем я поплелся домой. Пришел, лег на диван. Разные картинки навязчиво лезли ко мне в голову. И вдруг в них всплыла маленькая и грудастая Люська. Все-таки рассказы приятелей меня здорово раздражили. Я презирал Люську, но меня мучил пол и мое состояние казалось теперь мне совершенно падшим. Я понял, что могу пойти к Люське. В такие минуты не ведаешь себя и можешь совершить, что угодно. В три дороги, то есть сильно шатаясь, я поплелся в соседний двор. Меня штормило из стороны в сторону.

Во дворе я спросил у крутившихся тут же ребят.

– А где здесь у вас эта живет.

– Люська?

– Ну...

Меня повели в подъезд на первый этаж, поставили перед дверью и позвонили.

Дверь мне открыла женщина в очках и это меня удивило. Впрочем она былап тоже очень энергичной шлюхой. Каждый день водила к себе мужиков на квартиру и устраивала гулянки. Посмотрев на меня поощрительно сквозь очки и улыбаясь, она пригласила зализанные светловатые жидкие волосы и восторженно спросила: «Ты к кому...» Я ей сказал такое, что и сам вряд ли разобрал, если бы услышал. Язык от выпитого скомкался у меня во рту до невозможности

и не хотел распрямляться. За ее спиной появилась Люська. Из комнаты слышалась музыка и пьяный мужской разговор.

– Пойдем, выйд...ем, – сказал я ей.

– Кто он? – спросила ее мать. – Я его что-то не узнаю...

Люська пожала плечами.

Я пришел явно не вовремя, но уходить не собирался.

– Ну, заходи, сказала Люськина мать. – Ты его знаешь? – спросила она у Люськи.

– Нет, – ответила та, возвращая мне все мое презрение.

Дверь передо мной захлопнулась и я пошел куролесить по улицам. Пьяно я вошел к себе в квартиру и, завалившись в нашу комнату, лег на диван и заснул. К приходу матери я протрезвел. Соседи, видимо, ей что-то сказали. На их расспросы через дверь я ответил, что заболел и лежу с головной болью. Я не знал, чего мне хотелось. Мне хотелось всего. И хорошего, и плохого. Я хотел упасть низко-низко, с тем, чтобы подняться потом высоко и восстать из пепла как птица Феникс из пепла. У меня появилась компания ребят, которые прожигали жизнь. И они мне были интересны.

Наступил возраст, когда не знаешь, чего от себя ожидать. Не знаешь, кто ты, что ты в этой жизни такое. И что тебе нужно делать, чтобы чем-то овладеть и кем-то стать. Мне было трудно понять себя и приходилось задумываться. В этом возрасте очень трудно себя понять.

Весной к концу восьмого класса я засел за учебники и стал усиленно заниматься. До этого когда нужно было решить задачку, я шел к соседу дяде Володи и он мне ее решал, а я шел гулять. Теперь я старался сам решать все задачи. И, когда у меня это получалось, я радовался, что являлось хорошим стимулом.

Наступило время быстрого взросления. Когда я смотрел на себя в зеркало, то иногда получалось так, что я себя не узнавал. Ты улыбаешься и видишь, что человек в зеркале тоже улыбается. Хмуришься и он тоже хмурится. Он делает все, что делаешь, ты, но он какой-то другой. Под носом появились усики. И на руках тоже повыше запястья тоже появились волосы. Ты поднимаешь руку перед собой и не узнаешь ее.

Когда мы играли с ребятами во дворе в футбол, я мячом попал по белью, которое после стирки сушилось на улице. Из дома выскочила женщина, начала на меня кричать и сказала в заключении: «Красивый, а без гармошки». Меня ее слова не слишком обрадовали, но и не слишком огорчили. Получалось, что мне оставалось найти свою гармошку.

В это время мы во дворе и в школе мерились силой, смелостью и выясняли отношения кулаками. Мы прыгали через заборы, с крыш гаражей и с пожарных лестниц, отжимались, кто больше и, конечно, дрались со своими и с чужими. Для явного превосходства не хватало силы. К тому же в зеркале я как-то увидел свой пухлый живот и пухлую грудную клетку. С этим нужно было что-то делать, а именно – скорее избавиться от свислого и дрожащего жирка на груди и животе. С помощью физических нагрузок захотелось стать сильнее и перевести жирок в мышечную массу и сформировать отчетливее рельеф мышц. Я сообщил матери, что хочу купить пудовую гирию. И мать сама вызвалась пойти со мной в магазин. Мы пришли в магазин «Спорт», который находился в трех трамвайных остановках от нашего дома. Увидев посреди зала со спортивным инвентарем гирию, зеленую и замечательно пузатую, с мощной бубликообразной ручкой, я схватил ее за эту самую ручку и сказал решительно матери: «Эту!» После чего одной рукой поднял и потащил гирию к кассе. Из магазина я вышел довольно ретиво и уже метров через сто шел в сильно перекошенном состоянии. Мать шла сзади, едва поспевая за мной. И в это время проходившие мимо девушки, увидев меня, захихикали так, что мне стало не по себе. Поравнявшись со мной одна из них тихо сказала: «Как же он будет ее поднимать, если так тащит?!» Обе прыснули смехом за моей спиной с новой силой. Мне же было не до смеха. Гирия перекашивала меня, давила на ноги, казалась такой тяжелой, что я уже начал сомневаться,

что смогу ее дотащить. На трамвай я ее не потащил, потому что не представлял, как смогу поднять ее вверх по ступенькам. Если бы я решился, то получился неплохой клоунский номер «мальчик с тяжелой гирей». Я представлял, как поставлю гирию на первую ступеньку и начну прыгать около нее, пытаюсь затащить в вагон. Трамвай будет стоять. И все пассажиры будут смотреть на меня с сочувствием и любопытством. Поэтому я потащил гирию дворами чтобы мое появление не вызывало такого бурного смеха и насмешливых улыбок. Тащить нужно было километра полтора. Я выбивался из сил и не мог понять, почему гирия такая тяжелая. Мать шла сзади меня и то смеялась, то с сочувствием уговаривала оставить гирию и идти домой без нее. «Брось ты ее!» – просила она. Именно это я готовился уже совершить, но сила воли не давала мне этого сделать. «Что я шестнадцать килограмм не донесу. Я же десять кило картошки домой носил...» Метров за триста до дома я вконец вымотался и без сил оставил гирию в траве. Обе руки болели, так как я нес ее то правой рукой, то левой. Освобожденный от тяжести я стоял чуть в стороне от гири, весь мокрый, и бурно дышал. Мне не хотелось к ней даже приближаться. И я не знаю когда бы я к ней подошел снова и подошел бы вообще, если бы собака, которую вывели погулять. Она подбежала к гире, стала ее обнюхивать и вот-вот могла поднять ногу, чтобы присвоить ее пометив и расписаться на ней как на своей. Гирия стояла на газоне в высокой траве. Ее никто не смог бы найти в темноте. А уже начинало темнеть. И тут я двинулся к собаке, не желая оставлять гирию на произвол судьбы и в угоду выгуливающимся на газоне собакам. Не успела собака поднять ногу, как я подошел к ней и прикрикнул, давая понять, что гирия моя. Пес отбежал и обернулся с недоумением разглядывая меня около гири. Из последних сил я схватил гирию и с большим трудом кое-как доплелся домой. Великим же оказалось мое удивление, когда дома я обнаружил, что принес домой не то, что хотел. Гирия была литая и, если присмотреться то на боку у нее можно было рассмотреть в кружочке «32кг». Получалось, что я принес домой не пудовую гирию, а двухпудовую. Тогда я еще не знал, что гири разного веса «16кг», «24кг» и «32кг» имели одинаковые размеры и форму. Едва я разобрал неразборчивые цифры, вылитые на гири «32кг», как силы совсем оставили меня. Я точно знаю, если бы я знал, что ташу домой двухпудовую гирию, я бы ее не донес. Я сидел на стуле, смотрел на эту гирию и не представлял, как смогу ее поднимать. Через несколько дней я поднимал ее двумя руками к груди. Через месяц вытягивал над головой. А через несколько месяцев поднимал одной рукой. Тело окрепло. Мышцы на руках заметно забугрились. Грудные мышцы подтянулись и приобрели рельефность.

Я готовился к экзаменам в школе и после окончания школы готовился к поступлению в техникум и поступил, сдав экзамены на четверки.

Глава 6

Укрощение чувств или в клетке разума

Отношение полов – это наука и искусство. И только высокое чувство любви может гармонизировать эти отношения.

В техникуме я непреднамеренно и естественным образом начал искать свою девушку. Присматривался, разговаривал. Хотелось найти именно свою, чтоб навсегда. Девушек много и все симпатичные. И каждая по-своему. На первом же вечере познакомился с симпатичной девушкой с параллельного курса Валентиной. Невысокая, стройная. Танцевали с ней, говорили. Что-то меня в ней влекло и что-то отталкивало. Может быть, резковатость в движениях и самостоятельность. Чтобы узнать ее получше, нужно было встречаться с ней, гулять, продолжать знакомство. Это могло пойти в ущерб учебе, чего я себе позволить не мог. Мы оба занимались в техникуме спортом. Она занималась гимнастикой и имела второй разряд. Я занимался самбо. Мы иногда встречались в спортивном зале и здоровались. Мне не очень нравилось, как тренер седой и красномордый мужчина, помогая ей делать гимнастические элементы, берет ее за все места. Что-то в этом я видел нехорошее. Поскольку я не предпринимал никаких действий за ней стал ухаживать Юра из соседней Он был невысокого роста мужиковатый парень. Он уже вовсю брился и имел повышенную волосатость. Этаким маленький цветущий мужчина. Они стали гулять. После Новогодней вечеринки Юра пошел ее провожать. И в начале второго семестра я узнал, что Валя его прогнала от себя. Отсекла и все. Этот изгиб черных бровей не зря мне внушал беспокойства. Тот ходил понурый ничего не рассказывал, а потом рассказал, что у него с ней все получилось. Он у нее был первый или второй. Тогда я вспомнил красномордого тренера Валентины, который слишком возбужденно около нее прыгал и сопел. Почему она от себя прогнала Юру, он не знал или не говорил. Только ходил страдал и все пытался просить прощение за что-то неведомое, но его не простили. Скоро Юра бросил техникум, женился и пропал из вида. Через год я его встретил. Это был маленький занюханный мужичок, работавший на заводе, согнутый обстоятельствами и придавленный тяготами жизни. Он повзрослел так, что, казалось, постарел. Это на меня сильно подействовало. На первом курсе с нами на параллельном курсе училась симпатичная девушка, этаким цветочек, который начинал только распускаться. Уроки по черчению у нас с той группой были совместные. И я старался сесть рядом или неподалеку от нее. Она спрашивала: «Кто даст ластик?» И все кидались к своим, чтобы дать ей. Она была таким небольшим центром внимания ребят и откровенно рассказывала, что у нее есть парень. Который работает водителем и ездит в дальние рейсы. Иногда мы видели, как она за него переживает, потому что он где-то на дороге сломался. И где-то в середине первого семестра она сказала нам, что выходит замуж. На какое-то время она пропала и появилась с кольцом на руке. Замужество не пошло ей на пользу. Она как-то побледнела и потеряла не набранный ею цвет. Затем она пропала на месяц и появилась совсем подурневшая. Те, кто женились в техникуме на первых курсах и выходили замуж быстро бледнели теряли внешний вид и скоро переставали учиться. И она тоже скоро бросила техникум.

Я искал свою девушку.

Валька меня влекла к себе, но я чувствовал в ней падающего человека. Она гуляла с ребятами, пила вино и водку с самозабвением, с самоистязанием и с остервенением. На последнем курсе она свела с ума рыжего здоровяка и отличника. Она искала достойного себе. И наши пути иногда пересекались. Мы смотрели друг на друга издалека. Я ее словно спрашивал: «Как жизнь?» И она отвечала мне только глазами: «Как видишь... А у тебя?» И я глазами отвечал ей: «Нормально».

Есть девушки, которые тебя поднимают, возвеличивают, заставляют в силу характера и воспитания тянуться к лучшему. С такими интересно, потому что чувствуешь, как сам меняешься и становишься лучше. И есть девушки с которыми хорошо опускаться и падать. И иногда с ними падают сознательно, а иногда незаметно для себя.

Я учился в техникуме и изучал технические предметы и мне приходилось учиться общаться с девушками. Неосторожное слово, движение могло отпугнуть, создать неблагоприятное впечатление. Когда разговариваешь с девушкой нужно вынимать руки из карманов, не допускать вульгарных выражений, не хватать ее за руки. И, когда ты с ней разговаривал, нужно было сдерживать эмоции, которые искали разные проявления. И индикатор желаний всегда готов был выдать тебя с головой. Он как будто искал хорошеньких девушек и тут же проявлял повышенный интерес так, что неудобно было стоять с девушкой и разговаривать с ней. Ты краснел, в голове мутилось, брюки испытывали напряжение и выдавались вперед. Наступало время, когда приходится учиться скрывать свои чувства, скрывать высшую степень восхищения, возбуждения, пылкие, откровенные и жадные взгляды. Потому что это может привести к дискомфорту других и твоему нелепому, ложному положению. Приходилось надевать плавки, которые тоже не всегда спасали. Однажды я шел по улице, пересаживаясь с одного автобуса на другой. Чтобы скрыть свое проявившееся состояние, я вынужден был даже нести портфель перед собой. И девушки, которые увидели, как я его несу сказали мне на следующий день: «Мы тебя видели. Ты шел на автобус и нес портфель перед собой» Почему ты его так нес?» Я, покраснев, объяснял, что там был ветер и поэтому мне пришлось... И одна девушка, хихикнув, сказала: «А я знаю, почему он так нес...» Чем окончательно подорвала доверие к моим словам. Надо было за собой все время следить, чтобы не попасть в дурацкое положение. И знать, что сила влечения восхитительна, настойчивость прекрасна, навязчивость ужасна, насилие отвратительно. И как найти замечательную пропорцию между ними неизвестно. Нужно знать, что в ухаживаниях надо избежать пошлости и хамства. И еще, что неправильный подход к девушке и одно неточное слово, необдуманый поступок и неловкое движение все могут испортить.

Возраст от пятнадцати до восемнадцати особенно противоречив, потому что человек может уже размножаться в физическом, физиологическом смысле, но не готов к этому социально. Он не может брать ответственность за вторую половину, не может содержать семью, зарабатывать деньги и иметь жилье.

Эмоции захлестывали меня. Я как и многие другие искал самоутверждения. Выяснение отношений в таком возрасте почему-то всегда происходит с помощью кулаков. Дворовая и уличная жизнь не отпускала. Она невольно проникала в мою новую студенческую жизнь. Я до сих пор не могу понять, почему люди часто поворачиваются друг к другу отвратительными сторонами, а потом, оказывается, могут испытывать друг к другу симпатии.

Одна худая и чрезмерно личность высокая мне сильно досаждала в автобусе по пути в техникум. Этот парень меня всячески раздражал, всеми движениями и позой выказывая мне презрение и пренебрежение. Так бывает, что человек тебе сразу не понравится и ты не можешь ничего с этим поделать. Однажды на остановке около техникума я спешил, а он нарочито медлил выходить из автобуса. Я с раздражением подтолкнул его в спину и сказал: «Давай быстрее» Он будто этого и ждал. Не успел я поставить ногу со ступеньки на асфальт, как получил сильный удар по голове. Я тут же кинулся в драку. Мы побросали портфели в снег. Никто из нас не достиг быстрой победы. Тогда я тихо сказал ему: «Не здесь» Парень со мной согласился. И мы пошли за техникум. Парень отличался высоким ростом и тонким строением. Я отметил, что он старше, выше меня на голову и узок в плечах. Около электрической подстанции я неожиданно развернулся и кинулся на него с кулаками. Передо мной маячило его лицо, узкое с веснушками, в обрамлении рыжих коротко стриженных волос и пархатым носом. Что парень еврей я

не сомневался. Горбоносый он, словно нож, как бы резал перед собой пространство кулаками. Я бил именно в нос. Парень оказался не только высокий, но и гибкий, хлесткий, как лоза. Когда несколько его ударов достигли цели, он просто выставил длинные руки и держал кулаками меня на расстоянии. Я кинулся ему в ноги, но он вовремя заметил мой маневр, отошел и вместо того, чтобы бить меня ногами, благородно помог подняться. «За то что, позвал меня сюда уважаю», – сказал свысока и спокойно он. Это было первое и единственное мое поражение в техникуме. Я ему ничего не ответил и мы пошли на занятия. Парня звали Женькой. Ни с кем другим я так не сдружился после, как с Женькой. Мы редко встречались. Он учился уже на третьем курсе и редко появлялся в техникуме – курсовые работы, практика на заводе. Но, когда он появлялся, то мы вставали около балюстрады на первом этаже перед раздевалкой и, облокотившись о перила, подпирившиеся балясинами с лепниной, стояли и молчали. Он скажет слово. И мы молчим. Потом я скажу слово. И мы снова молчим. В этом был такой кайф от понимания без лишних слов, какой редко когда испытываешь. Признаться мне часто его не хватало. Женька на два года раньше кончил техникум и куда-то пропал, растворился во взрослой жизни. В конце первого курса я столкнулся в туалете с двумя королями со второго курса. Они привели меня туда, чтобы проучить. Но я их обескуражил – надел одному на голову урну с окурками, другому заехал в рожу крышкой от урны. Досталось, конечно, и самому. Тогда я еще не понимал, что – глупые дерутся, а умные смеются. И важнее выходить из сложной ситуации безударной техникой и выяснять отношения с помощью аргументов. Это приходит с опытом понимания себя. окружающих. Хотя этому бы учить ребят в школах.

В техникуме у нас были замечательные преподаватели. На первом курсе нам преподавал теоретическую механику, а на втором и сопромат человек по фамилии Казакевич. Потом он нам преподавал сопромат. Он настолько хорошо и глубоко знал предмет и по доброму к нам относился, что мы легко усваивали то, что он говорил. Ему было около восьмидесяти лет. Голову брил наголо и держал высоко. Ростом казался выше среднего. С первых же слов этот человек нас влюбил в себя, потому что кроме безукоризненного изложения материала хорошо рассказывал разные истории. Он рассказывал нам, как они с друзьями в детские годы ходили на выступления Маяковского. Этот рассказ нам нравился и мы несколько раз просили его рассказывать. Он был из тех преподавателей, которые сразу пришлись нам по душе. На первом курсе математику нам преподавал Муханой, которого все в техникуме ненавидели за требовательность к изучению своего предмета. Он жил в служебной комнате недалеко от техникума. И лаборантка, проживающая с ним в квартире говорила, что он по вечерам играет на скрипке. Около его двери в квартиру, где он проживал благодарные учащиеся техникума около звонка с табличкой кому сколько звонить, нарисовали большую муху. Эту муху время от времени кто-то стирал, но через некоторое время она появлялась вновь. Муханов был строг, сух и даже желчен. Аккуратная лысина на всю голову выдавала его характерный череп мыслителя. Он ходит чуть сторбившись с седыми волосами на висках в сером костюме и всегда аккуратно стриженным. из его квартиры. От него всегда пахло табаком, потому что часто курил. Когда он на доске писал формулы или объяснял новый материал, около него аура умнейшего человека который безуспешно бьется о стены непонимания учащихся. Иногда он вызывал кого-то к доске и спрашивал заданий урок или просил решить пример. Если учащийся отвечал правильно он ставил ему четвертку. Если учащийся не знал материал, он доводил его до белого каления, нервничая, задавая острые вопросы и пытаясь из него хоть что-то выудить из того, что он рассказывал. Девушек он доводил до слез и очень нервничал, когда его работа казалось терпела крах. На последнем курсе он давал нам основы высшей математики и говорил: «Вот вы скоро кончите техникум и пойдете учиться в институт. И там вы меня вспомните и потом придете и будете благодарить за то, что я вас учил. Недавно к нам вечер пришел мой студент и говорит, спасибо вам. Мне так легко было учиться на первом курсе, потому что я многое уже от вас знал» И действительно я часто вспоминал Муханова, когда учился в институте, потому что

хорошие основы он в нас заложил. Это был тот преподаватель к которому симпатии и понимание его пришли годы спустя. У нас были преподаватели которые любили только себя. Одной из таких была преподавательница химии, которую мы просто звали Любовь. В аудитории мы ее называли Любовь Васильевна, а между собой просто Любовь. Это была пышная женщина с большой грудью, которую хорошо подчеркивали шерстяные платья в обтяжку, большими красными щеками с ямочками, губками бантиком, с короткой кукольной прической и в очках. Она хорошо знала свой предмет, но перед нами все время красовалась, рассказывая что-то о муже, которого игнорировала, о дочери, которую терпела. Эгоизм в ней хорошо укоренился и красил ее самодовольством. Однажды на практических занятиях дала нам каждому делать опыт с реактивами и собственными волосами. Нужно было в пробирку положить свой волос и влить в нее несколько реактивов. «После этого у вас у каждого в пробирке должна была появиться белая жидкость. Если получится темная или коричневая, то это плохо. И только одна девушка Таня Корытина получила коричневую жидкость и разрыдалась. Подруги бросились ее успокаивать. Любовь спросила что случилось. И когда ей все объяснили и показали коричневую жидкость. Но это ничего, сказала она и продолжила урок. А Танька действительно скоро умерла. Она успела выйти замуж, родить ребенка и умереть от рака крови.

Английский язык у нас в техникуме преподавала Нина Ивановна Яковлева. Человек замечательный души. Нам повезло, что Нина Ивановна оказалась и нашей классной руководительницей. Она организовывала нам экскурсии, заботилась о каждом персонально. Гордо посаженная голова, приятная худощавость, тонкая талия и теплый взгляд выдавали в ней человека степенного, доброго, деликатного и в высокой степени культурного. Каждый раз отправляя нас на каникулы, она говорила: «Только я вас прошу, пожалуйста, без эксцессов». Если она делала кому-нибудь замечание, то очень деликатно и по-доброму и с покровительственной нежностью. Она отличалась от всех преподавателей тем, что вызывая симпатии и ведя разговоры на доверительный темы, умела оставаться на дистанции. Что-то в ней было неземное. Она была исполнена природного благородства и непритязательного обаяния. Преподавательница химии, которая любила посплетничать, рассказала нам, что Нина Ивановна родила в семнадцать лет по большой любви. Курс за курсом мы проходили с ней до самого выпускного вечера. И затем часто встречались, не желая расставаться и терять этого человека в жизни. На последнем курсе ее наградили орденом и награждать ее приехал член Политбюро такая одиозная и грозная личность как Сулов. Мы, не зная всей подоплеки, порадовались за нее. Только в день награждения весь техникум узнал, что она жена Члена Политбюро Александра Николаевича Яковлева. Вскоре после этого Нина Ивановна нас собрала и попрощалась, объявив, что Александра Николаевича отправляют послом в Канаду и она не знает, вернется ли обратно или нет. В Москве у нее оставалась престарелая мама. Очень милая сухенькая и ссутулившаяся от старости женщина, которую мы встречали у нее на квартире на Тверской. В Москве у нее оставался сын и дочь. Только годы спустя мы узнали, что академик и член Политбюро Александр Николаевич Яковлев не пожелал подписать к дню рождения Леонида Ильича Брежнева хвалебное и возвеличивающее письмо от руководящей верхушки с многочисленными льстивыми реверансами. За это его жену наградили орденом, а его сослали в ссылку послом в Канаду. Эта была настоящая ссылка, из которой можно вернуться только согласно установленному регламенту. Они вернулись лет через десять и наши ежегодные встречи с Ниной Ивановной возобновились.

На втором курсе техникума на нашей группе появилась Эльвира. Спелая девушка шикарных форм. Она обладала выдающейся грудью, зрелой фигурой, волооками глазами и плавной степенной походкой павы. Если нам исполнилось по восемнадцать лет, то ей исполнилось двадцать два. На груди она носила цепочку с профилем Нефертити и уже умела делать длинный томные взгляды от которых юноши терялись и не знали, что делать. Через несколько месяцев

она подошла ко мне и сказала: «Одна девочка хочет с тобой встречаться». Я ей кивнул, но ничего не ответил. Возможно она имела в виду не себя, а другую девочку, с которой она дружила. Но я представил эти встречи, их развитие и понимал, чем они могут закончиться. Мне не хватало в не глубины чувств, тонкости ощущений. Я представил, как падаю с ней, увязнув в ее пышностях и понял, что мне не до этого. В возрасте восемнадцати лет я выглядел вполне зрелым сложившемся парнем с ростом более 180 см и весом 86 кг, хотя в глубине души таким себя не считал. К тому же передо мной маячила неясность поставленных целей. Через месяц в автобусе по пути из техникума я познакомился с Наташей, девушкой моего возраста, кареглазой с каштановыми волосами. Она как и я много читала и много знала. Мы ходили с ней в кино и гуляли. Это происходило не так часто, поскольку Наташа занималась фигурным катанием и проводила свободное время на катке. Наш идеальный роман тянулся чуть меньше года. Встречи происходили все реже и прекратились совсем. Она предлагала мне приходиться к ней на тренировки. У нее что-то не получалось с партнером, над которым она немного подсмеивалась. Мы несколько раз ходили в кино и на каток. Что-то не ладилось. Последний раз я встретил ее случайно весной на остановке около Тимирязевской Академии. Я увидел ее в окно, выскочил из автобуса и подбежал. Она стояла грустной. Мы не виделись месяц. Я беспрерывно болтал и шутил, а она стояла обиженная. Мне не удалось ее разговорить. Подошел, автобус я вскочил на ступеньки и поехал, помахав ей в окно рукой. В окно автобуса от меня удалялась хорошо сложенная девушка, серьезная и глубокая. Между нами стеной стояло фигурное катание, сознание, что мне рано жениться и еще целая непрожитая жизнь.

Я какое-то время переживал, понимая, что для серьезных отношений нужна какая-то опора в себе, стержень, над которым мне еще предстояло, выстраивая, поработать.

На самом деле я просто еще был слишком юн. Вокруг было столько интересного и непознанного. Все девушки казались юными богинями, были красивы цветением и стремлением к совершенству. Молодые женщины казались уже совершенными, так как пришли к этому через материнство. Женщины постарше – красивы мудростью и тем, что любят в тебе юность, понимают тебя и читают, как книгу и ты тоже хочешь их читать, как книгу, но пока еще не можешь. И все это чудо жизни и творение души бога. И ты сам бог, потому что тебе кажется – ты на все способен. И ты наслаждаешься этим и в тебе часто слышится гимн твоей молодости, который звучит музыкой внезапного нахлынувшего настроения и выражается самопроизвольно рождающимися в тебе словами: «Я свободен, как ветер! И красив, как бог!.. Я принадлежу только... Солнцу!.. Небу!.. И воздуху!.. И во мне есть что-то загадочное, нераскрытое, что поднимает меня на недостижимую высоту и что заставляет чувствовать все по особенному. Я необыкновенный и чудесный и поэтому так сияю... От меня как будто расходятся дивные золотистые лучи всеобщего счастья. И я иду в их ореоле. Иначе почему на меня все так оборачиваются и, когда я прохожу мимо, смотрят вслед! Я концентрирую в себе счастье и радость всех людей, собираю их восторженные взгляды и несу другим жаждущим людям! И все это оттого, что я прекрасен и дерзко юн. И мне от этого хорошо, потому что все чудесно и будет еще лучше! Ведь жизнь только начинается». И рядом с тобой идут другие божественные создания, девушки с округлыми бедрами и с возвышенной грудью, которые тебя манят улыбкой, многообещающим взглядом, чудной фигурой и удивительной поражающей изящностью движений. И ты выливаешь все, что в тебе есть на идущее рядом создание. Идешь и разговариваешь с ней. И тебе кажется, что вы знакомы давно. И между вами что-то возникает – тонкое, мнимое, которое усиливается до поры до времени, пока она или ты не спохватишься и все легкое, романтическое, возвышенное разрушится от непредвиденных тобой или ею обстоятельств. Если вдруг получается так, что вы оказываетесь на критическом расстоянии, то тебя начинает всего выворачивать и тянуть к ней так сильно, что трудно с собой совладать. Т с этим нужно что-то делать. Если бы не клетка разума, в которую ты себя скорее пытаешь запихнуть, чтобы не случилось

непоправимое, стыдное, и тебе остается только терпеть и скрывать свои чувства, не давать им свободы до тех пор, пока тебе не разрешат объятия и поцелуи. И ты только начинаешь понимать, что есть скрытые, интимные проявления чувств и есть открытые, невинные такие, как взгляды и касания.

Часть вторая

Проблески и заблуждения

Глава 7

Тургеневская девушка

Я вернулся из армии поступил в институт на вечернее отделение и пошел работать на предприятие.

К этому времени мы переехали из коммунальной квартиры старого серого пятиэтажного кирпичного дома в новый белый двенадцатиэтажный блочный дом, который выстроили неподалеку. Он возвышался над соседствующими пятиэтажками, как стройный журавль над высокой болотной травой. В этот же дом переехали некоторые наши бывшие соседи.

Мои школьные друзья уже женились. Девчонки из техникума начали выскакивать замуж на последнем курсе техникума и прямо, так сказать, из наших рук. После армии большинство девчонок и половина ребят начали обзаводиться семьями. Я решил с этим не спешить, тем более, что некоторые из моих знакомых начали мне говорить, что собираются разводиться.

Иногда я стоял перед зеркалом и спрашивал себя: «Какая девушка тебе нужна? Какой она должна быть?»

Вместе с тем мой пол давал о себе знать даже при том, что я был слишком загружен. Днем я работал, после работы ехал в институт. После института я возвращался к одиннадцати вечера домой и тягал двухпудовую гирию. Организм требовал физической нагрузки. Он также требовал и другого. Хотя я говорил себе: «Сначала учеба». Но интимная жизнь исподволь, ненастойчиво просила своего. Ум всегда сильнее днем, а тело ночью. Иногда я о себе забывал, получая наслаждение от успехов в труде и учебе. Они требовали напряжения ума. И тогда в какой-то момент я просыпался оттого, что у меня происходило самопроизвольное семяизвержение. Природа брала свое во сне. Иногда руки находили то, что меня так беспокоило, и делали в полусне то, что я себе не разрешал. Да, интимная жизнь это еще и то, что ты делаешь такое, в чем не можешь признаться даже себе. Тебе стыдно признаться в этом, но ты это делаешь не сознательно, не давая себе в этом отчет. И потом на какой-то вечеринке ты, выпив водки или вина лезешь к девушке, которая тебе совсем не нравится. Ты обнимаешь ее, лезешь в декольте. И что-то в тебе говорит: «Что ты делаешь? Ведь она тебе не нравится!» Но подсознание и пол руководят тобой, делают свое в тебе. Также как свое в тебе делает водка или вино. Они расслабляют ум, совесть, деформируют отношение к окружающему. Спиртное – это лучший деформатор всего и в том числе отношений. Оно преломляет пространство и сильно искривляет течение времени. И потом тебе противно и гадко оттого, что ты делал или пытался сделать. Но ничего не остается, как прощать себя и жить с этим дальше.

В это время я много читал. Меня особенно поразил сентиментализм Стефана Цвейга. Его роман «Нетерпение сердца». Само название этого романа больше рассказало мне о себе самом, чем я тогда мог придумать. Я чувствовал и носил в себе это «нетерпение сердца». Меня ошеломила и поразила его новелла «Письмо незнакомки». Я наслаждался стильностью Фейхтвангера, чувственностью американца Теодора Драйзера. Заново перечитывал Достоевского, Толстого, Тургенева, как будто никогда их прежде не читал. Увлекался английской, французской и немецкой классикой. Постепенно я стал думать, что платоническое чувство выше всего остального из-за высоты, недостижимости, идеальности, хотя пол утверждал иное. Я боготворил женщину и берег это открытие для себя. Не делился этим ни с кем. Для меня

дорогого стоили встречи, случайные и незавершенные. Я ценил неоформленные и несформировавшиеся отношения. Когда можно лишь на мгновения соприкоснуться с другим человеком духовно и унести впечатление с собою на всю жизнь. Лишь изредка с трепетом вспоминая случившееся и думая, что из этого что-то интересное могло получиться, если бы получить продолжение. Я ценил такие встречи, которые меня обогащали. Однажды после экзамена я вышел из института. Накрапывал слабый дождь. И вдруг зачастил. Мои друзья и сокурсники, спрятались, сгрудившись по пять человек под одним зонтом. Я прыгнул через лужу к кучке под зонтом. Места для меня там явно не хватало. Я остановился и с улыбкой огляделся. К выходу из ворот шла девушка с зонтиком. Я шагнул к ней и предложил свою помощь: «Давайте я помогу вам нести зонтик!» Не знаю, что подействовало на нее. Моя улыбка, блеск счастливых глаз, радость от сданного экзамена, беспредельно веселое состояние или добродушное нахальство. Девушка согласилась, пустила меня под зонтик, с готовностью подав его мне и взяв меня под руку. Дождик споро и дробно колотил по зонту, лужам и мокрому асфальту. Мы шли к метро и задушевно болтали. Мои друзья шли позади мужской компанией и завидовали. Мы болтали с девушкой обо всем на свете и взахлеб. Она тоже только что сдала экзамен и это нас еще больше объединило. Оказалось, что она работала на кафедре в моем институте. Там же и училась. На короткое время зонтик стал нашим домом. Нам было так уютно под ним, что не хотелось никуда торопиться. Казалось, что мы нашли все, что искали в жизни. Хотелось так идти дальше по жизни целую вечность. Уже у метро девушка сказала, что она обязательно проспала бы на экзамен, если бы ее не разбудил муж. Я переспросил с удивлением: «У тебя есть муж?» Мы давно с ней перешли на «ты» и не заметили этого. Она откровенно сказала: «Да». Я почувствовал некоторое разочарование. Потому что еще прежде сказал себе, что никогда не буду иметь дела с замужними. И она, кажется, испытала в этот момент тоже самое. Мы оба почувствовали, что наш зонтик перестал являться нашим домом. И неожиданно в этот момент заметили, что дождик закончился. Еще недавно он капал, какие-то секунды назад. Слабо и как-то задумчиво, словно давал нам еще возможность немножко побыть вместе и вдруг кончился, уступая место солнышку. На улице стало свежо и ново. Нам нечего не оставалось как попрощаться и начать новую независимую друг от друга жизнь. От теплого асфальта поднимался легкий парок. Запахло прелью, пресной дождевой водой и обновленном запахом зелени. В лужах появились дождевые черви. Я сложил зонтик с улыбкой, которая еще оставалась на лице неизменной. В ней конечно же уже пряталась горчинка. Где-то там, в самых уголках губ. Это ощущалось очень явственно. Я подал девушке зонтик, – наш дом на короткое время, – и грациозно насколько возможно поклонился, поблагодарив за временный приют от дождя. После этого я попрощался с ней и шагнул в сторону поджидавших друзей. Я шагнул из ее жизни в свою. Больше я ее никогда не видел, не пытался искать и только помнил то светлое, что сочилось ко мне из того прошедшего дня с бойким летним дождичком, наполненного прекрасной мимолетной беззаботностью. Она так и запомнилась мне очаровательной, как летний дождь, который начался и прошел навсегда. И он может еще повториться, но это будет уже другой дождь без нас вдвоем.

Да, тогда я платоническое чувство считал идеальным и ставил выше всего плотского. И стремление к близости считал более совершенным, чем саму близость. Возможно, этим я себя таким образом обманывал за неимением такой близости, которую желал и о которой мечтал. Фантазии, вот что направляло, уводило меня к идеальному. В фантазиях все и всегда происходит, как ты хочешь даже со знакомыми девушками или женщинами. В реальной жизни девушка может сказать: ««Ой, что это ты делаешь? Сюда могут войти... А если кто-нибудь увидит?» Или: «Я сегодня не могу пойти гулять и в кино, потому что чесноку наелась». И такая простота сильно все принижает. Тогда, как внутри тебя есть место только прекрасному. И девушка или женщина, которую ты идеализируешь, никогда, ничего подобного не скажет. Без фантазии ни

один человек не достигнет своей цели не добьется чего-то настоящего в жизни. А уж в отношениях мужчины и женщины фантазии приносят такие плоды взаимного счастья, о которых сразу не догадаешься. Я восхищался лебединой нежностью девичьих и женских рук, хрупкостью тончайшей талии, фигурами, которые напоминали древнегреческие амфоры. Я видел, как тоже самое делают другие мужчины.

Мне, конечно, хотелось знать, каким я кажусь со стороны. Каким меня видят мои друзья, знакомые, девушки и коллеги? Как они ко мне относятся? Я пользовался зеркалами и витринами, чтобы незаметно рассмотреть в них себя и девушек. Я узнавал, как ко мне относятся по тону, с которым разговаривали со мною, взглядам, смыслу сказанных слов, мимике и жестам. Если тон, взгляды и мимика выражали мне понятные чувства и адекватные той ситуации, в которой мы находились, то я воспринимал их нормально и спокойно. Если они мне казались непонятными, я мучился и пытался понять, разгадать, что же они значат. Я пытался повторять сказанное мне с тем же тоном, повторяя те же жесты, чтобы понять, какие чувства во мне возникают и с каким отношением они говорились. Сказанные слова передают только мысль. Тон, с которым они говорились, мимика и жесты передают нюансы, тончайшие чувства, которые могут даже поменять высказанную мысль на противоположную. Во взрослой жизни, в отношениях между людьми в интонациях, мимике и жестах накоплено столько выразительных средств и символов, что молодому человеку их сразу не понять, не одолеть и не осмыслить.

У нас в соседнем отделе работали две девушки. Одну звали Ира, другую Тома. Одну я сразу заметил и уделял внимание. Другую не замечал. Ира полненькая, круглолицая приятная и общительная блондинка с отчетливой талией, голубыми глазами, розовощекая из интеллигентной семьи. Папа у нее служил главным дирижером военного оркестра, и она считалась завидной невестой. Губы у Иры напоминали мне зрелую сочную малину. И с первых дней мне хотелось ее поцелуя, чтобы впитать в себя с ее губ свежесть этой ягоды. Тома выглядела непривлекательной тихой девушкой с загадочными глазами, бледным светящимся лбом и скромным обликом. Очень скоро Ира меня пригласила на вечер, который проводило наше предприятие с приехавшими артистами и танцами. Странное дело, я пришел на вечер представил, как все могло быть, как мы будем танцевать, как я пойду ее провожать, и на вечер не пошел под благовидным предлогом, в чем и принес приглашающей стороне извинения. Как раз в это время я заметил, что, чем больше я с ней говорил, тем меньше мне хотелось с ней общаться. Из каких-то незначительных примет между нами складывалось такое положение, при котором человек сначала притягивал к себе, а потом начинал отталкивать от себя. Среди девушек были такие которые сразу притягивали или отталкивали тебя от себя. Иногда полярность твоего отношения к ним менялась незаметно или из-за какого-то случая. Однажды в туалете ведущий инженер Бухтояров, человек на сухоньких ножках, энергичный до безобразия и при этом не слишком обремененный умом, сказал мне, увидев как мы разговариваем с Ирой: «На ней жениться нельзя». Я с улыбкой поинтересовался: «Почему?» На что он ответил: «Ты видел, какая у нее грязная кружка из-под чая? Вся коричневая. Она ее или не моет или плохо моет. Значит и хозяйкой она будет плохой». Бухтояров был человеком никчемным, ничего толком делать не умел, но подмечал он все верно. Примерно к такому же мнению я пришел сам, приближаясь к этому выводу с другой стороны. По моим наблюдениям за Ирой и из бесед с ней я понял, что она упрощенно относилась к себе, окружающим. Одежда ее хотя и выглядела чистой, имела недостатки в тщательности деталей, аккуратности и вкусовой подобранности. Она жила сегодняшним днем, без мечтаний и особых устремлений.

Как-то мне пришлось обратиться в соседний отдел к технологам, чтобы внести изменение в конструкцию установки по электрохимической обработке материалов. Меня отослали к Томе. Я с ней встречался несколько раз и мы обговаривали детали внесения необходимых изменений. Изменения затрагивали всю конструкцию и приходилось все продумывать. Во время

общения с ней, она открылась мне совсем другим человеком. Я увидел в ней не просто девушку с потаенным, загадочным взглядом и лицом, напоминающим Монну Лизу, а человека умеющего глубоко чувствовать и все понимать. Ее лицо отображало неуловимые движения мыслей и чувств. В ее мимике я увидел незнакомые мне ранее нюансы. Как-то вечером после работы я пошел ее провожать. При чем я не сказал, что пойду ее провожать. Мы просто шли и разговаривали о книгах. Мы оба много читали. Чтение книг помогало мне избавиться от косности в общении. Я поглощал в книгах чужие мысли и чувства, чтобы перестать чувствовать себя бессловесной собакой, которая все понимает и ничего не может сказать. Я старался обогатить свой словесный запас, чтобы у меня появилась способность выразить тончайшие мысли и чувства, которые меня затрагивали, но не открывались во всей красе. Мы делились впечатлениями о книгах и кино. И вдруг поняли, что наши вкусы совпадают. Мы оба восхищались прекрасным и утонченным. Кроме тайны, которая в ней скрывалась, и которую она в себе носила, я увидел в ней неподражаемый лирический романтизм. Она умела в отдельные слова вкладывать такой смысл, который для меня оказывался недостижимым. И когда я просил ее что-нибудь уточнить, она пыталась сменить тему или говорила: «Можно я не буду отвечать на этот вопрос?» Она с каким-то особенным чувством произносила «дом с мезонином». Когда мы подошли к ее дому, она сказала: «Вот он мой дом с большой трубой. Это был кирпичный дом недалеко от ботанического сада рядом с которым стояла большая кирпичная труба, которая заметно возвышалась рядом с домом. Такие трубы обычно имели дома в подвале которых имелась котельная. «Это мой дом с мезонином», – сказала она. Любимым писателем у нее был Тургенев и сама она была девушкой тургеневского склада «Ты представляешь, – говорила она, – он оставил все ради любимой женщины. Родину, дом, знакомых, друзей. Он поехал за возлюбленной во Францию и поселился рядом с ней только для того, чтобы находиться подле той, которая не давала ему даже надежды. И в конце концов он добился ее расположения». Она восторгалась отношением Тургенева к Полине Виардо. Мы болтали обо всем. Я открыл в ней какую-то другую глубокую жизнь, которой она жила и которая казалась недоступной другим. Мы начали целоваться, чуть-чуть не дойдя до ее дома. Как-то быстро это началось. Но у меня так всегда бывает. И все это от нетерпения чувств, которые мной овладевают. Я ощущал солоноватый вкус ее губ. Не знаю, почему. Она их совсем не красила. Первый раз у нас получился робкий поцелуй. Она целовалась, стесняясь, убирала от меня губы. Но я находил их, распался сам и распал ее. Она вдруг вспыхивала и я чувствовал вдруг оживший ее язык, энергичный, жаждущий, любознательный. Он проникал в меня через губы. И я возвращал ей его и себя в губы, осознавая, что раньше так никогда не целовался. И по тому, как она делала то же самое, отдаваясь страсти, трепетно и неумело, понимал, что и она тоже так раньше не целовалась. Мы искали что-то свое и находили. Снова шли, снова останавливались и целовались. На глазах ее я увидел слезы и спросил: «Почему ты плачешь?» – «Это так», – ответила она. «Я тебя обидел?» – забеспокоился я. «Нет... – смахнула она слезинку к уголку глаза. – Не обращай внимания...» Я снова стал ее целовать. Нам не хватало воздуха, и мы делали короткие передышки. Во время такой передышки она, с опозданием отвечая на заданный мной ранее вопрос, сказала: «Я не должна была тебе позволять этого...» – «Почему?» – быстро спросил я. «Не хорошо...» – коротко с чувством сказала она. «Что не хорошо?» – спросил я. «В первый же день...» – со страданием и сожалением в голосе пояснила она. Я усмехнулся краешком губ. Не знаю, почему я улыбнулся. Но в этом было что-то нехорошее, неуместное. И я себя за это немного укорил. «Вот мой подъезд», – показала она рукой в сторону горящих окон. – Дом с большой трубой...» И я посмотрел еще раз на дом. Обычный пятиэтажный дом. Такие дома стояли по всей Москве и недалеко от моего прежнего дома. Но сегодня на фоне темно синего неба высокая черная труба смотрелась фантастически, причудливо и необычно. Мы вошли в ее подъезд, поднялись на второй этаж и остановились у коня. Стояли тихо, слушали шаги, дожидаясь, когда кто-то пройдет и шаги затихнут. И в тишине снова целовались. Наши плащи мы повесили на ручки

окна, чтобы в объятиях лучше чувствовать друг друга. Расходиться не хотелось. В тот вечер я еле сумел от нее уйти.

По вечерам я учился. В свободные дни мы встречались с Томой в ботаническом саду. Ей очень хотелось показать мне розарий. Она видела там удивительную розу, которая называлась «Только ты». «Ты должен ее увидеть», – говорила она. Селекционеры выводили новые сорта роз, давали им емкие и много значащие для кого-то названия и выставляли для осмотра. Мы несколько раз приходили к застеленному розарию и он каждый раз оказывался закрытым. Я расспрашивал ее о розе, которую она мне хотела показать. И она мне просто говорила, что она необыкновенная. Мы ходили мимо кустов роз открытого розария. Я любовался цветами и читал названия роз «Кавалькаде», «Чайная». Мы говорили о Стефане Цвейге, Фейхтвангере. Как раз в это время я пропадал в районной библиотеке среди полок с книгами. Наши отношения развивались и вот-вот могли стать самыми близкими. Перед октябрьскими праздниками все сотрудники отдела собрались за столом выпить дарового спирта, который выделяли для всяких технических работ и который всегда приберегали к такому дню. Мы тяпнули, сколько позволяли накопления спирта, закусили домашней и прикупленной снедью, погружаясь в обильные, застольно – праздничные разговоры обо всем и не о чем конкретном. После выпитого и сказанного становилось необыкновенно хорошо. Научные работники в подпитии особенно витиевато выражают свои мысли, и ассоциативно, намеками, языком Эзопа передают такие нюансы мыслей над которыми нужно еще подумать. Слушать их в такие моменты так приятно. После выпитого обычно разбредались по теплым дружным компаниям. Иногда ехали к кому-нибудь домой продолжать вечеринку. В складчину покупали вина, водки, еды и заваливались к кому-нибудь домой. У кого-то жена уехала к маме и должна вернуться перед самыми праздниками. У кого-то муж приезжает после праздников. Быстро все собирали на стол, резали закуску, вспоминали простые кулинарные рецепты. И затем отводили душу, блистая умом и неординарностью. После застолья в квартире уже с песнями, хохотом вываливались на улицы, чтобы разбрестись и разъехаться по домам. После вот таких посиделок я снова провожал Тоню домой. Мы ждали чего-то большего, решающего и решительного. Мой руководитель поймал меня за руку перед уходом и по-мужски спросил: «Ну, ты ее сегодня...» Я посмотрел на него так строго, что он ретировался и пояснил: «Я имел в виду «проводишь»...» Он умный человек и ловко вывернулся. Все интеллигенты в подпитии любят дать понять, что они тоже мужики и могу выражаться по простому и грубо. Хотя нецензурные выражения в устах моего руководителя всегда приобретали мягкую вариантность и отражали глубину мышления и тонкий ум. Я вспомнил, как он вывернулся в коридоре и улыбнулся. Мне нравился этот человек. Он даже перед нашим уходом подал Томе пальто, что было уж слишком для заглаживания вины. На этот раз мы прошли в подъезд, поднялись на ее этаж и она пригласила меня к себе. Дома оказались родители и это скомкало наши планы. Мы сидели в ее комнате одни. За стеной тихо лежали на диване родители и с ними находилась младшая сестра Тони. Нам старались не мешать. Даже из коридора к нам просачивалась тишина. Мы сели на диван и скоро обо всех забыли. Вино делало свое дело. Губы искали губы и находили их. Руки находили необходимое и находили это. Чулки, платье, трусики. «Нет... Нет, нельзя...» И я не понимал, это я ей платье выше и выше, я расстегиваю пуговицы на брюках или это делает она. Это я достал то, что достал, или она. «Что мы делаем? Что мы делаем...» Мы желали близости и нас останавливало только присутствие за стеной ее родителей. Мне это было нужно. И ей это было нужно. Нам это было нужно. Я видел, как она взялась за самое основание моего я. И как начала наклоняться. Медленно завораживающе, обреченно. «Неужели она это сделает? – подумал я. – Неужели она может это сделать?» Ее голова опускалась ниже и ниже. «Что мы делаем?» – вдруг снова воскликнула она и приподнялась, откинула голову назад, обращая лицом к небу и не выпуская из рук то, что держала. В ее глазах была такая мука и такая борьба с собой, что я затрепетал и сердце заняло от сочувствия. Она снова наклонилась и, словно упала без чувств, уткнулась щекой в

колени, расслабляя руки. «Тома...» – позвал я. «Сюда могут войти», – без сил простонала она. Она была моей. Мне стоило только обмануть себя, обмануть ее и хоть что-то сказать. Но я не смог этого сделать. Не позволил сказать слова, которых она ждала. Мы оба желали большого возвышенного чувства. Но я не достиг его, не смотря на то, что эта девушка покорила меня. Я относился к ней не так серьезно, как она ко мне. Отсюда эти неуместные улыбочки, мелькающие на моем лице, которые говорили то ли о моем превосходстве, то ли о моей радости за ее чувство. Я не хотел ей просто воспользоваться, потому что ценил и желал ей лучшего. Я гладил ее по волосам и смотрел на пол, дощатый, крашенный суриком. И думал, что вот здесь мне возможно придется жить. И от этого мне становилось тоскливо и томительно. Она ждала от меня главных слов. Я молчал и думал о чем-то другом. Нет, я говорил ей то, что мог сказать: «Ты мне нравишься. Ты красивая и удивительная! Мне с тобой хорошо!» Но она ждала других слов, которые я ей сказать не мог: «Люблю!.. Вместе навсегда». Иногда, когда мы гуляли по парку, она останавливалась около сросшихся корнями двух деревьев и говорила: «Как это прекрасно! Вот так бы всю жизнь!» И я понимал ее до слез, но никак не мог представить, что это относится к нам с ней. Я ничего ей больше не мог дать. И она больше ничего не могла мне дать. Мы встречались какое-то время, и она, предчувствуя безысходность, в начале весны подала заявление об уходе. В последний ее рабочий день я пошел ее провожать. Это оба сознавали, что это наш последний день. Мы это знали, хотя и не признавались себе в этом. Хотелось так много сказать друг другу. Так много пожелать. И еще нам, казалось, что все может вернуться. Я не хотел терять этого человека и в то же самое время ничего не мог сделать, чтобы оставить рядом с собой. «Нам все равно не быть вместе», – сказала она около своего дома, как раз на том месте, где мы начали целоваться. «Почему?» – спросил я расстроено и удивленно. Она не ответила. Просто на ее лице отразились сильные переживания. «Почему? – снова спросил я. – Откуда ты это знаешь?» Ее слова звучали, как приговор нам. И особенно меня томила некая обреченность, прятавшаяся в них. Какой-то тупик жизни, против которого я восставал всей душой и всем своим существом. «Почему? Почему ты так говоришь? – спрашивал я ее и пытался заглянуть в глаза. Она отворачивалась и все ниже, ниже опускала голову. Я заметил слезинку в уголке ее глаз. «Тома! Том, почему ты так говоришь?» – я попытался поднять пальцами ее подбородок. Она повернула голову в сторону и посмотрела куда-то блестящими полными чувств глазами. «Сердце вещун», – коротко ответила она мне со вздохом. Она любила повторять эти слова: «Сердце вещун». Мне ничего не оставалось, как задумавшись, пойти с ней дальше. Где-то рядом, словно кастрюля прогремел по трамвайной линии трамвай. И этот звук напомнил мне школьный звонок на перемену. На какую-то большую перемену. Тогда я себе еще не мог объяснить до конца слов Тони. Переложить их как-то на свое понимание. Потом часто испытывал нечто подобное, когда в тех или иных обстоятельствах возникает некое предчувствие. И оно тебе подсказывает, что будет и что не состоится. Но ты все равно куда-то стремишься, что-то делаешь, не зная наверняка о конечном результате. Потому что предчувствия иногда оказываются просто твоими сомнениями, которым находят оправдания. Мы шли в весеннем море людей. Они обтекали нас. Они смотрели нам в лица и оглядывались нам вслед. Но мы их не замечали. «Теперь все будет хорошо, – неожиданно сказала Тома. – Теперь все пойдет, как надо». Она вдруг развеселилась и начала смеяться. Мне не понравился ее смех. Казалось, что где-то в нем прячутся слезы. Но в них скрывалась и отчаяние, и радость. Радость от последних минут счастья. «Конечно, будет хорошо», – попытался я казаться оптимистичным. «Ты за меня не беспокойся. Я нашла себе работу. И скоро выйду замуж. Да-да, замуж. Мне уже сделал предложение один человек. Правда, я ему отказала». – «Почему?» – удивился я. «Потому что... Потому что в моей жизни появился ты. И я ему о тебе рассказала. Все рассказала. Он моряк, учится на заочном и приезжает сюда на сессию... Я знаю, он вернется и снова мне позвонит, сделает предложение». – «Откуда ты это знаешь?» – «Я знаю, – загадочно сказала она и добавила, обращаясь глазами внутрь себя. – Сердце вещун...» От ее слов сердце

мое защемило. В них в эту секунду проявилась она вся, романтическая, бесконечно глубокая и прекраснородушная. Мне стало одновременно горько и легко. Мне не нравился только ее смех. Нервный, через чур веселый. Я боялся за нее. Теперь мне стало легче, но тоска обняла мое сердце предчувствием последних минут перед расставанием. Тома смеялась. И мне казалось, что в следующее мгновение произойдет что-то иное, непоправимое. «Сейчас она отвернется и заплачет... – подумал я. – Только бы она не отвернулась и не заплакала. Тогда я сам не выдержу и сделаю что-нибудь неправильное, не то, что нужно». Нет, она не заплакала. Попрощалась с улыбкой, сугубо по товарищески, нарочито, по деловому протянула мне руку для пожатия. Отвернулась и пошла прочь из моей жизни. Да, она уходила от меня в свою новую жизнь. Но наша жизнь тянула ее назад. Поэтому так подозрительно дрогнули ее плечи и поднялась к лицу рука. И меня наша жизнь тянула назад. Только ее походка оставалась по-прежнему легкой, свободной, даже несколько озорной и шаловливой. Я не видел в ней этого раньше. От меня уходила замечательная девушка и уносила свою чистую светлую жизнь, чтобы подарить ее кому-то другому.

Мысли часто возвращали меня к Томе. Я думал о ней, о жизни, о судьбе. Я не знал, что многое в жизни происходит помимо человека, даже если ему кажется, что это все сделал, предопределил и придумал он. Я много раз встречал странные супружеские пары, которые зрительно не подходили друг другу. И они жили счастливо. И я встречал пары, которые, казалось бы подходили друг другу идеально, и они расходились. Похожим людям проще понять друг друга. Но противоположности, как известно, дополняют друг друга. Есть известная легенда, которая гласит о том, что когда-то целое состоящее из половинок растерялось по свету и теперь половинки вынуждены искать свою. Я искал свою половинку.

Однажды я шел на работу и у меня в мыслях возникла поэтическая строчка: «Твои глаза моим родня...» Я писал стихи. Мне приходили первые строчки стихотворения, которые я называл запевы, и потом дописывал к ним недостающие строки. С этой строкой у меня ничего не получалось. Строчка оказалась самодостаточной. В ней уже было сказано все. И эти слова относились к моей девушке, моей женщине, которую я искал.

Глава 8

Танька

Она ворвалась в мою жизнь как весна.

Влечение всегда возникает бессознательно и относится к подсознанию. Интимная жизнь – это и есть жизнь подсознания. Она соединяет в себе сознательное и бессознательное. И она является компромиссом между жизнью души и жизнью тела. И подсознательно чаще оказывается сильнее сознательного. Поэтому человек рассчитывает поступить так, а поступает иначе. Подсознательное это и есть суть человека. Сознание же это всего лишь умелый компромисс между желаниями и возможностями. Поэтому между сознательным и подсознательным ведется борьба. И в годы становления человека она особенно отчаянная.

Прошел год, как я расстался с Томой. Учеба в институте отнимала много времени. Однажды перед майскими праздниками я со служебной запиской поднялся на пятый этаж в конструкторское бюро. Огромный зал со столами, разгороженный кульманами, шкафами и перегородками. Я оставил служебную записку на внесения изменений в схему начальнику сектора и пошел к выходу. У двери задержался, изучая стенд с объявлениями и приказами. В какой-то момент мне показалось, что за мной кто-то наблюдает. Я почувствовал, что кто-то смотрит мне в спину и не стал оборачиваться, а пошел к себе в отдел.

В этот же день на культурном мероприятии посвященном Первомайским праздникам я познакомился с Татьяной. Увидел ее в фойе на выходе из зала и просто обалдел. Она напоминала красивую бабочку, дивную пеструю очаровательную птичку, которая оказалась случайно рядом и вот-вот могла улететь. Таких ярких, чудных и привлекательных девушек встречать приходится не часто. Сначала она мелькнула на втором этаже перед входом в зал, как нечто красочное, яркое, сказочное. Я не успел ее как следует рассмотреть. Увидев ее второй раз, я сразу стремительно подошел к ней и заговорил. Не помню о чем. В такие минуты не важно, о чем ты говоришь. Я с вдохновением нес прекрасную чепуху о том, что концерт мне не понравился, зря потратил время и что-то еще такое, потому что ее широко распахнутые глаза смотрели на меня, и она улыбалась. Я же впитывал ее в себя глазами. Каштановые волосы, светло-голубые глаза, алые губки и с румянец на щеках – клубника с молоком со свежестью только что распустившейся розы. Кожа нежная, белая. И в глазах такая чистота, такая непосредственность и первозданная прелесть, что голова кругом идет. Мы познакомились. На улице Татьяна с прелестной и необыкновенной непосредственностью вдруг сказала, что меня уже видела сегодня. «Где?» – спросил я удивленно. «В конструкторском бюро. Около доски объявлений». Я сразу вспомнил чувство, что на меня кто-то смотрит. Это ее взгляд я почувствовал спиной. После того, как мы познакомились и поболтали, я спросил: «Послушай! Может, сразу на «ты»?» Она согласно кивнула. Продолжая разговаривать мы ехали с Таней на автобусе. Я беспрестанно говорил и балдел от девушки, краснея от удовольствия. Я так вдохновился, что на прощание после того, как мы обменялись телефонами, поцеловал ее в щечку. Она смутилась, и так понесла мой поцелуй на щеке с собой куда-то дальше, домой. С моей стороны это выглядело слишком смело, но и не сделать этого я не смог. У меня всегда происходило подобное от избытка чувств, когда я не мог себя сдерживать. Позже Таня спрашивала, как у меня хватило смелости на такой поступок. «Поцелуй в первый же день знакомства, – говорила она смущенно. – Я не знала, как к этому относиться». В ответ я только улыбнулся и сказал: «Это как-то само получилось. Я ничего такого не планировал». Я не думал: «Вот сейчас возьму и поцелую». Обычно, если так думаешь, то ничего не получается. Просто что-то подсказывает тебе, как поступить в том или ином случае. Ты чувствуешь, что это можно сделать и все. Со стороны,

наверно, можно заметить отношение девушки к тебе по выражению глаз, лица, жестам. Но ты не можешь это четко видеть, определять и правильно оценивать. Потому что находишься внутри происходящего и видишь только свет ее глаз и понимаешь, что дружеский поцелуй они тебе точно простят. Поцелуй можно вырвать помимо воли и сотворить его вместе, как договор о намерениях. Я сделал это трогательно, нежно, коротко, почти незаметно, по-дружески и без акцента. Он случился, как волшебство. В тот момент я почувствовал, что вся она раскрыта мне навстречу. И поэтому поцеловал. При этом, когда она собиралась уходить, я по-свойски сказал: «До встречи! Увидимся!»

Мы стали встречаться. Я понял, что такое Танька для всех остальных, когда она первый раз пришла ко мне в отдел. В обеденный перерыв, когда женщины убежали шнырять по магазинам, а мужчины играли на рабочих местах в тихие игры, домино, шахматы или шашки, мы молодые ребята играли в настольный хоккей. Трое на трое и еще тройка или две стояли рядом, чтобы сыграть на победителя. Игра получалась динамичная. Тот, кто стоял в центре управлял вратарем и центральным нападающим. Крайние управляли защитником и крайним нападающим. Играли так, что забывали про обед и про все на свете. Даже после работы вращали ручки до покраснения и обильного пота. При этом неистово кричали и спорили до хрипоты. В такой момент и зашла к нам в отдел Таня. Она поздоровалась и все преобразились, словно в комнату вошла фея. Я хотел бросить ручки и подойти к ней. Она сказала: «Ничего, играй. Я подожду». Я снова вернулся в игру, отмечая, что все уделяют ей чрезмерное внимание. В ее присутствии играющие стали выражать свои эмоции тише и пристойнее. «Таня, этот гол я посвящаю тебе», – торжественно сказал Женька Золотарев и так старательно ударил клюшкой игрока по шайбе, что та отскочила от противоположного борта и залетела в собственные ворота. Все засмеялись. По тому, как вели себя ребята, я понял, что ее знают и боготворят. После игры я подошел к ней и мы договорились о встрече. Как только она ушла, ко мне тут же подбежали Миша Атаманов, Федя Чернов и Толя Трошкин. Они схватили меня за грудки и стали трясти. «Ты откуда ее знаешь? Это наша девочка! Мы к ней давно подбираемся...» Я ничего не понимал. Что значит их девочка, они к ней подбираются, если ребята старше меня на пять лет и у троих жены и дети. Я с симпатией относился к этим ребятам и поэтому стоял и просто серьезно смотрел на них, не понимая, что сказать и что делать. Они тоже растерялись и меня отпустили. Я поправил на груди рубашку и отошел от них. Они, обескураженные, остались на месте. Позже я узнал из их слов, что они специально бегали в столовую во время обеда КБ, чтобы только посмотреть на Таньку. Я спросил у нее, знает ли она этих ребят. Она ответила, что не знает, как их зовут, но частенько встречается в столовой. И все-таки я понимал ребят и с сочувствием разделял их симпатии. Танька являлась воплощением красоты. Вся на загляденье: просто торт с яблоками и персиками. Бывают такие произведения кулинарии, когда на них хочется больше смотреть, чем кушать. И такие подарки природы в виде яблок и персиков, которые держишь в руках и этим наслаждаешься. Тебе сладко оттого, что ты можешь их съесть, но ты не ешь, потому что они завораживающе неповторимо красивы. Очень приятно, когда такая девушка рядом с тобой. Таньку все любили за чистые глаза и непосредственность распускающегося цветка. И она этим пользовалась. У нее всегда под рукой находилось самое модное и первоклассное чтение, новейшие книги и редкие журналы. Около нее крутились изысканные, культурные люди, блиставшие умом и талантами. Я тоже этим пользовался, потому что брал у Таньки книги и журналы для чтения: «Иностранную литературу», «Новый мир», «Современник». Она легко доставала дефицитные билеты на аншлаговые спектакли. Я же водил ее на художественные выставки и рассказывал о художниках. Танькины родители жили за городом. И она то снимала комнату, то жила у сестры и знакомых. Я часто заходил к ней в гости. В то лето она жила у знакомого художника. Он с женой переехал на время к заболевшей матери и его комнату на Садовом кольце он на несколько месяцев отдал в распоряжение Тани. Этот человек ее опекал и только позже я понял, что за этим скрывалось. В этот раз я спешил к Таньке и мечтал, как

приду и как она меня встретит. Она первый раз пригласила меня прийти к художнику на квартиру. Я прошел от метро Маяковская по Садовому, увидел дом, который лицевой стороной, широко выходил на Садовое Кольцо. Окнами же с торца он выглядывал на Малую Дмитровку. Я зашел во двор со стороны Малой Дмитровки. Широкий с многочисленными подъездами и угловатый он скрывал в своем дворе желтый одноэтажный особняк. Я окинул взглядом подъезды, выбирая нужный и двинулся вперед. В подъезде меня встретил странный незнакомый запах. Стены, потолок, лестница и перила казались пропитанными стариной, какой-то гнилостью другой эпохи. Я поднялся на третий этаж и нажал звонок. Вместо Тани дверь мне открыла сухонькая со смысленными глазами старушка. Она держала в руках большую ложку или половешку. Я спросил Таню и она, доброжелательно кивнув, махнула рукой: «Идите туда...» Я прошел по темному коридору с закоулками и вышел на кухню, которая манила дневным светом. На кухне имелось окно и она вся, казалось, перекрещивалась веревками с бельем. «Туда-туда», – утвердила меня, указывая направо подошедшая старушка. И уже на свету посмотрела на меня поощрительно. Я повернулся в сторону, куда меня направляли и ничего не увидел. Сделав шаг наугад в темноту я заметил дверь и дальше неожиданно обнаружил еще один коридор и еще одну дверь. Двери в этой квартире так причудливо скрывались за углами и поворотами, что нельзя было угадать, где тебя поджидает очередная. То ли после революции эту квартиру так перепланировывали, то ли она изначально являлась таковой, но все в ней напоминало лабиринт. Сколько раз ни бывал потом в этой квартире я никогда не мог самостоятельно найти нужную комнату. Меня пугали и заставляли теряться неожиданные повороты, углы поджидавших в темноте выступов, о которые я обязательно стучался, и ниши, куда проваливался с выставленными для ощупывания руками. Также самостоятельно я не мог сразу найти дорогу обратно. Меня выводили из нее. А если я сам выходил, то обязательно терялся в затейливых коридорах, заходил в какую-нибудь постороннюю комнату, извинялся и возвращался снова на кухню, чтобы войти в другой коридор. Иногда мне вдогонку кричали: «Дальше идите. Направо будет поворот и налево дверь...» Я вошел в третью дверь этого коридора. Меня явно никто не ждал. Я нашел Таньку сладко спящей на диване. Она лежала под одеялом. Руки обнажены. На плечах видны бретельки от комбинации, в которой она спала. Под ее рукой находился раскрытый журнал. «Читала и заснула». – подумал я. Подошел и тихо позвал: «Таня! Тань...» Она вскрикнула и села на диване, закрываясь одеялом. «Ты уже пришел?» – спросила она, моргая глазами. «Мы же договаривались на четыре. «Ой! – посмотрела она на часы. – Я не готова». Когда бы я не пришел, Танька всегда оказывалась не готова и при мне начинала собираться. «Отвернись, я встану. Мне нужно одеться», – сказала она. Она так в этот момент была хороша и свежа после сна, что не хотелось, чтобы она начинала одеваться. «Может, лучше никуда не пойдем?» – спросил я, присел на кровать и, наклонившись, обнял ее за плечи. Сейчас же мне захотелось испытать ее спелость. Влечение к ней меня так захватило, что я стал ее целовать. «Подожди, – сказала она и сонно сопротивляясь, загородилась от меня раскрытым журналом. Я узнал обложку и, увидев первые буквы названия, понял, что это «Иностранная Литература. «Лучше скажи, почему он так пишет?» Она подала мне журнал и поднялась одеваться. Я не ошибся. Она спала в шелковистой комбинации. Взял журнал, я отлистал несколько страниц назад и, прочитав имя автора подумал: «Ирвин Шоу? Очень популярный писатель...» Обернулся и сказал: «Послушай, я тоже хочу его почитать. Когда ты мне сможешь дать?» – «Вот сама прочту...» – сказала довольная собой Танька, надевая платье. «Какое место тебе непонятно?» – спросил я. Она подошла и открыла нужную страницу. Я углубился в чтение. Прочитал то место и принялся читать дальше. «Ну что ты скажешь? – спросила она. – Почему он так пишет?» Я не отвечал, увлекаясь написанным. «Хватит читать», – выдернула из моих рук журнал Таня. – Так что ты понял?» – «Ирвин Шоу в этом месте описывал приезд именитых гостей на кинофестиваль. Он сравнивает их с древними животными, динозаврами, – сказал я. – Тебя интересует почему он сравнивает их с динозаврами?» – «Да и это тоже...» – сказала

она. «Ну, понимаешь, это столько раз у героя романа повторялось в жизни, что он чувствует себя одним из динозавром среди более молодых и дерзающих коллег. Поэтому такая вялость, спокойствие в ритме. Начало романа мне понравилось. Просто блестяще!...» Я снова взял из ее рук журнал и принялся листать. «Я готова», – через некоторое время сказала Таня. Я поднял глаза и увидел ее во всей красе. Легкое платьице, пушистая кофточка, добавляющее в ее облик что-то от птенчика, и сияющие голубизной глаза. Я отложил журнал, встал и обнял ее. «Сейчас, я только надену туфли», – сказала Таня, вывернулась из моих рук, сняла тапочки и надела туфли. «Зачем, интересно, туфли?» – подумал я и, снова обняв, принялся целовать. Я прижимал к себе ее спелое тело и мне так хотелось его. «Мы же в музей собрались», – не довольнo и с недоумением произнесла Танька. Если уж она собралась в кино, театр или в музей, то ее ничто не могло остановить и свернуть с этого пути. Но чем мне нравились наши отношения, что у нас все выходило по-моему. Я ей мог объяснить почему надо делать так, а не иначе. Для этого у меня находились всегда веские аргументы. И она моим рассуждениям полностью доверяла. Я снимал с нее кофточку, мягкую, нежную и совсем не нужную сейчас. «Как же музей?» – спросила она, еще на что-то надеясь. И в ответ я лишь мысленно улыбнулся: «Глупенькая! Какой там музей?» – «Нет», – сказала Танька мне строго. И я понял – пора приводить аргументы. «Мы успеем, – сказал я ей шепотом томно и невыносимо даже для меня самого нежно. «Нет», – повторила она. И это «нет» зазвучало для меня как «да», когда я снимал с нее шелковистое платье. Оно облегалo ее стройное спелое тело. И я чувствовал в нем бесконечно зовущую свежесть цветения, упругую мягкость и теплоту. Платье, как отдернутый занавес, открыло мне ее тело, белое и нежное. И она вся перестала быть только осязаемой и стала видимой, доступной. Я снова увидел ее плечи и чуть пухлые руки. Начал торопливо снимать с себя рубашку, майку и остальное. Я срывал их с себя, как срывают в предвкушении дивные яблоки с дерева. Их так много и хочется сорвать сразу все. Но у меня было только две руки и приходится срывать по одному, по два. С ее лифом у меня возникла проблема. Придумали тоже петельки, крючочки, кнопочки, пуговики. И не придумали ничего такого, чтобы лиф снимался сам только от одного воспламеняющего взгляда мужчины. В этот момент всегда не до этого. И хочется порвать одежду в клочки, а не только срывать и отбрасывать. Все эти детали и деталюсечки только отвлекают внимание. Еще к тому же и руки плохо слушаются и голова соображает совсем иначе. Наконец, все получилось. Все крючочки покинули свои петельки. Лиф упал на диван. И ее округлые полные спелости груди с аккуратными миниатюрными сосцами открылись мне во всей красе. Я неистово принялся ее целовать во все прелести, нежно и бережно укладывая на диван. Меня всего переполняла страсть и желание. И в этот момент я вздрогнул раз, другой и из меня потекло наслаждение... Я вздрагивал и вздрагивал, а оно все вытекало из меня и вытекало. И вдруг я увидел, как дрогнула Танька от живота. Так происходит землетрясение с эпицентром в одной точке. Она раскинула в стороны руки и кончики ее локтей в судорогах задвигались по талии. «Что это с ней?» – подумал я с испугом. Я не сразу понял, что с ней происходит то же самое, что со мной. Да, она двигалась в сладких судорогах. Мы были слишком молоды и слишком неопытны. Она лежала передо мной доступная и по-прежнему красивая. Я смотрел на нее спокойно и с любовью, точно зная, что пройдет несколько дней и меня снова неудержимо потянет к ней, чтобы находиться с ней рядом и испытать наслаждение только от близости, от соприкосновения и нежностей. И меня будут снова будоражить и вдохновлять завистливые взгляды встречных мужчин. Мне будут кружить голову ее голубые глаза, белая кожа с голубыми прожилками на руках, на плечах и груди, свежесть цветущей роза на щеках и губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.